

FILOLOGICZNE NAUKI

JĘZYK OJCZYSTY I LITERATURA

Ивкова Е. А.

Севастопольский городской гуманитарный университет

ОБРАЗ МОСКВЫ В ПОЭЗИИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Осип Манделъштам оставил огромное поэтическое наследие, но в данном исследовании мы остановимся на анализе стихотворений, написанных в эпоху Серебряного века, и посвященных Москве.

Исследовали творчество Осипа Манделъштама И. Бушман, В.Купченко, П.Николаева, П.Ульяшов.

Цель работы – изучить образы Москвы в стихотворениях поэта.

Объект исследования: художественное пространство ранней лирики О.Манделъштама.

Предмет исследования: поэтика образа Москвы в ранних стихотворениях поэта.

Москва – центр многовековой культуры русского народа. Москва – родина А.С.Пушкина, А.С.Грибоедова, И.А.Крылова, А.Н.Островского, М.Ю.Лермонтова, Ф.М.Достоевского... В Москве жили и работали А.И.Толстой, А.П.Чехов, А.И.Куприн, И.А.Бунин, В.Я.Брюсов...

О Москве писали не только те, кто постоянно там бывал, жил и работал, но и те люди, которые были там «проездом», имели опосредованное отношение к столице России. Именно к таким писателям и относится О.Э. Манделъштам. Его родиной был Петербург, Москва же никогда не была и не стала для него родным городом. Но так или иначе, за время его пребывания в Москве, у поэта сложилось свое понимание образа города, которое в последствии изменялось, приобретало новую форму.

Манделъштам хорошо знал литературную Москву и посвятил ей два очерка:

«Литературная Москва» и «Литературная Москва. Рождение фавулы».

Манделъштам и Цветаева впервые встретились летом 1915 года в Коктебеле. В начале 1916-го знакомство это возобновилось – в дни приезда Цветаевой в Петербург, точнее, именно тогда состоялось настоящее знакомство, возникла потребность общения, настолько сильная, что Манделъштам последовал за Цветаевой в Москву и затем на протяжении полугода несколько раз приезжал в старую столицу [14, с.189].

В своих стихотворениях о Москве Марина Цветаева обращается к родному городу не просто как к отчужденному дому, где находит себе уют любой «бездомный», живущий на Руси, но и, как нам кажется, к кому-то реально существующему,

живому, и в то же время невидимому и далекому: «Я в грудь тебя целую, // Московская земля!» [15,с.17].

Для Цветаевой Москва – это также огромный храм, который исцеляет любой душевный недуг: «Над городом, отвергнутым Петром, // Перекатился колокольный гром. // Царю Петру и вам, о царь, хвала! // Но выше вас, цари, колокола. // Пока они гремят из синевы – // Неоспоримо первенство Москвы» [15,с.54].

Так Цветаева обратила внимание Мандельштама на столицу, пробудила в нем желание впервые заговорить о Москве: «Не диво ль дивное, что вертогард нам снится, // Где голуби в горячей синеве, // Успенье нежное – Флоренция в Москве» [10,с.196].

Возвышенные чувства поэта нашли свое отражение в каждой строчке этого стихотворения. Мандельштам восхищается архитектурой столицы.

В апреле 1916 Мандельштам пишет еще одно стихотворение, посвященное Москве: «О, этот воздух, смутной пьяный, // На черной площади Кремля // Качают шаткий «мир» смутьяны, // Тревожно пахнут тополя. // Соборов восковые лики, // Колоколов дремучий лес...» [10,с.312].

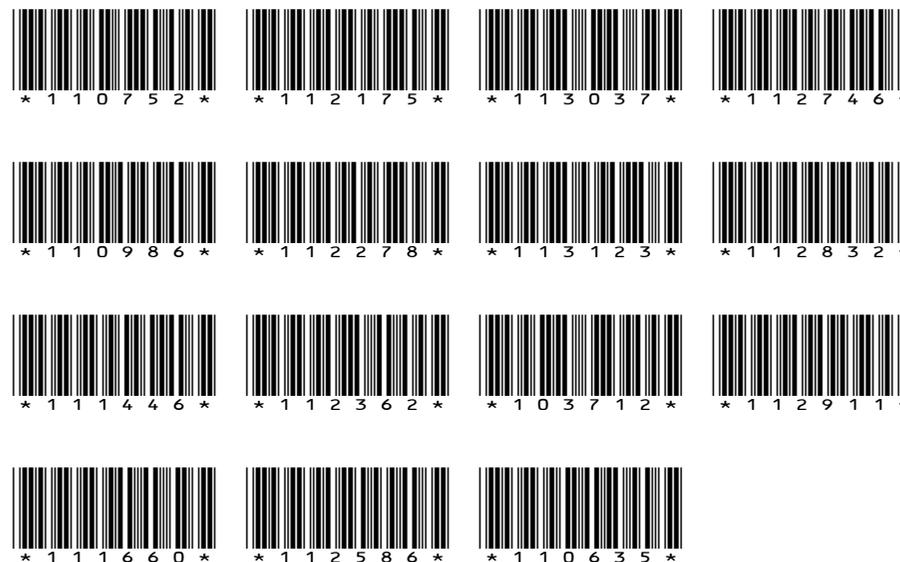
Здесь снова появляется образ мятежной Москвы XVII века. В первых двух четверостишиях Мандельштам отрицает город... Зато в следующих трех строфах, поэт как бы в противовес этой грязи ставит святость. Он вновь восхищен русской традицией, русской церковью. Перед нами возникают дивные соборы: Успенский, Благовещенский, Архангельский и Воскресенья. Несмотря на всю чернь, грязь, хаос, на фоне этого мятежного города, возникает некий ареал святости, «луч света в темном царстве».

В стихотворении «Когда в теплой ночи замирает ...» Мандельштам полностью отрицает Москву. Он не находит в ней ничего святого. Это мрачный город. Это мертвый город, из него давно ушла жизнь: «Когда в теплой ночи замирает // Лихорадочный форум Москвы // И театров широкие зевы // Возвращают толпу площадям» [10, с.214].

Создается образ вульгарной, пошлой Москвы. Зевы театров... – таким представляет себе поэт город с его жителями. Каждая строчка этого стихотворения наполнена грязью, безысходностью. В стихотворении «Все чуждо нам в столице непотребной...» уже из первых строчек видно, что для поэта-петербуржца этот город навсегда останется чужим. Возникает образ «разбойного Кремля»: «Все чуждо нам в столице непотребной: // ...И страшный вид разбойного Кремля. // Ее церковей благоуханных соты – // Как дикий мед, заброшенный в леса» [10,с.267].

Но так или иначе, в очередной раз Мандельштам показывает, что на фоне этого «заброшенного леса» существует «дикий мед», «благоуханные соты» церковей. Автор снова дает понять, что церковная святость – это единственная положительная черта города, то, за что поэт любит Москву.

Таким образом, тематика лирических произведений поэта о Москве разнообразна. В самых первых стихотворениях Мандельштама ощутимо влияние

SPIS

FILOLOGICZNE NAUKI

JĘZYK OJCZYSTY I LITERATURA

Ивкова Е.А. Образ Москвы в поэзии Осипа Манделштама.....	3
Осипова О.И. «Жало смерти» Ф.Сологуба как жанрово-циклическое единство	6
Романенко В.А. Интертекстуальные отголоски в песенном творчестве В.Р.Цоя.....	12
Гумерова Н.Р. Гротеск в творчестве Э.Лира	15
Ишимбаева Г.Г. «Венские картины» Виллибальда Алексиса	17
Филоненко Н.Ю. Тема зла в поэмах М.Ю.Лермонтова «Демон» и С.Н.Сергеева-Ценского «Лесная топь».....	20
Сергиенко И.В. В.Набоков о реализме У.Фолкнера	23
Кочергина А.А. К вопросу об интертекстуальности в современной детской литературе.....	28
Голубева Г.Л. «Огонь снова с нами!».....	33
Горовенко М.А. Рассказ В.М.Гаршина «Четыре дня» в критике В.Г.Короленко	40

ETNO-, SOCIO- I PSYCHOLINGWISTIKA

Заглядкина Т.Я. Экстраона концепта «университет» в русской лингвокультуре	42
Залесский Б.Л. Концепция устойчивого развития в условиях глобализации и масс-медиа.....	46
Kosheleva E. Kinship and Affinity' conceptsphere in Russian and English.....	54
Манокин Н.А. Пути трудоустройства тюменской молодежи (по результатам социологических исследований)	58
Нечаевский В.О. Лексика социальных диалектов в синхронии и диахронии: константность и вариативность (на материале польского военного жаргона)...	62

Марины Цветаевой, которая очень трепетно относилась к столице, поскольку была коренной москвичкой. На протяжении всей жизни Манделштам пытался понять этот большой город, но как бы тепло поэт не отзывался о Москве, он все равно оставался там чужим, ведь его малой родиной был Петербург. Для поэта Москва – это, прежде всего, город бесчисленных соборов, церковных традиций. Именно такой облик города, который складывался веками больше всего ценит Манделштам.

Литература:

1. Аверинцева С. С. Жизнь и творчество Манделштама / С. С. Аверинцева. – Воронеж: Воронежский университет, 1990. – 450с.
2. Апошанская М. П. Севастополь энциклопедический справочник / М. П. Апошанская. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2000. – 682 с.
3. Апошанская М. П. Севастополь энциклопедический справочник / М. П. Апошанская. – Симферополь: Салта, 2008. – 1118 с.
4. Бушман И. Поэтическое искусство Манделштама / И. Бушман. – Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1964. – 44 с.
5. Кузнецов Ф. Ф. Русская литература XX века. Очерки, портреты, эссе / Ф. Ф. Кузнецов. – М.: Просвещение, 1994. – 383 с.
6. Купченко В. Киммерийские этюды / В. Купченко. – Феодосия: Коктебель, 1998. – 344 с.
7. Лекманов О. Осип Манделштам: Жизнь поэта / Олег Лекманов. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 480 с.
8. Манделштам Н. Я. Воспоминания. Время и судьбы / Н. Я. Манделштам. – М.: Книга, 1989. – 430 с.
9. Манделштам О. Э. Камень / О. Э. Манделштам. – Ленинград: Наука, 1990. – 50с.
10. Манделштам О. Э. Избранное / О. Э. Манделштам. – Москва: Эксмо, 2006. – 380 с.
11. Манделштам О. Э. Слово и культура: Статьи / О. Э. Манделштам. – М.: Советский писатель, 1987. – 320 с.
12. Николаева П. А. Русские писатели. Библиографический словарь / П. А. Николаева. – М.: Просвещение, 1990. – 356 с.
13. Уляшов П. С. Одинокий искатель / П. С. Уляшов. – М.: Знание, 1990. – 250 с.
14. Цветаева М. И. Проза / Марина Ивановна Цветаева. – М.: Лумина, 1986. – 542 с.
15. Цветаева М. И. Стихотворения / Марина Ивановна Цветаева. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с.

К. филол.н. Осипова О.И.

*Северо-Восточного федерального университета, Россия, Республика Саха
(Якутия)*

«ЖАЛО СМЕРТИ» Ф. СОЛОГУБА КАК ЖАНРОВО-ЦИКЛИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО

В основе цикла как жанрового образования в качестве ядерного компонента, инспирированного авторской установкой, лежит не организация эпического «линейного» текста, построенного на логике развертывания причинно-следственных связей, а создание целостного текста, который, несмотря на фрагментарность, максимально полно и многосторонне раскроет авторскую концепцию действительности. В данной статье мы ставим перед собой задачу рассмотреть межтекстовые связи рассказов «Жала смерти», что позволило бы говорить об этом сборнике как о циклическом единстве.

В программной статье «Искусство наших дней» Сологуб отметит: «В каждом земном, грубом упоении таинственно явление красоты и восторг» [1], подразумевая за этим, по мнению Н.В. Барковской, некую «мистическую иронию», которая проявляется в принятии мира в преображенном таинственном виде, где за обыденностью будет стоять «вечный мир свободы» [2]. Герои цикла «Жало смерти» ищут «вечный мир свободы», выбирают смерть. Но очевидный трагизм ситуации снимает та самая «мистическая ирония», проявляющаяся в повествовательной структуре.

Принцип организации повествования является скрепой между рассказами цикла. Перед нами экзегетический нарратив, повествователь проникает во внутреннее состояние всех персонажей, характеризуя их мысли, ощущения, переживания.

Средством психологической характеристики персонажа становятся разные формы внутренней речи. Но отметим, что чаще всего это сознание ребенка, поэтому при необходимости рассказать о сложном переломе в душе героя автор уходит от несобственно-прямой речи переходит на повествование от третьего лица, сохраняя, тем не менее, некую «зыбкость» описания, что выражается в неточной характеристике душевных порывов героя, в постоянном подчеркивании смутности, неустойчивости и неясности происходящего в его внутреннем мире. В повествовании практически не представлены формы рефлексии, саморефлексии. Если в центре рассказа герой-взрослый, то сознания всё равно практически нет. Старик в рассказе «Обруч» инфантилен: мечта, овладевшая им, «неподвижная», «неясные, медленные мысли ползли в его лысой голове» [3]. Не является исключением и Елена в рассказе «Красота». В момент душевного равновесия и любования своим телом, героиня «грезила», «мечтала», «радовалась», и «ни одна нечистая мысль не возмущала ее девственного воображения».

Литература:

1. Бойко Б.Л. Социология и лексикография русского и немецкого военного жаргонов // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: ООО «Издательство «Элпис»», 2006. – С. 38-46.
2. Гак В.Г. Слово // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: «Большая Российская энциклопедия», 1998. – С. 464.
3. Головин Б.Н. Основы культуры речи. – М.: «Высшая школа», 1988. – 320 с.
4. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. – Л.: «Наука», 1978. – 238 с.
5. Ивлева Г.Г. О варьировании слов в немецком языке // Вопросы языкознания. 1981. № 6. – С. 121-127.
6. Коровушкин В.П., Перрон В.Е. Лексический субстандарт в немецком военном подязыке (некоторые понятийно-тематические и словообразовательные особенности) // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: ООО «Издательство «Элпис»», 2006. – С. 268-278.
7. Крысин Л.П. Словообразовательные варианты и их социальное распределение // Актуальные проблемы лексикологии. Вып. 2, ч. 1. – Новосибирск, 1969. – С. 11-12.
8. Нечаевский В.О. Проблема описания отношений вариантности единиц лексического уровня языка: опыт исследования // Вестник Военного университета, № 3, сентябрь 2009 г. – М.: Военный университет, 2009. – С. 136-141.
9. Нечаевский В.О. Диахронический подход к варьированию единиц лексического уровня языка: постановка проблемы // Вестник Военного университета, № 2 (26), июнь 2011 г. – М.: Военный университет, 2011. – С. 73-78.
10. Нечаевский В.О. Влияние советской военной субкультуры на формирование польского военного жаргона (вариационный подход) // Современная славистика и научное наследие С.Б. Бернштейна: Тезисы докладов международной научной конференции (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 15-17 марта 2011 г.): / Сост. А.Ф. Журавлёв, Н.Е. Ананьева. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011. – С. 332-334.
11. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. 2-е изд., доп. – М.: «Наука», 1977. – 341 с.
12. Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии. – М.: «Едиториал УРСС», 2003. – 200 с.
13. Jędrzejko M. Koty, wicki i rezerwa: zwyczaje, obrzędy i język «fali». – Warszawa: Departament Wychowania i Promocji Obronności Ministerstwa Obrony Narodowej: «Konjan», 2002. – 183 s.
14. Paślowski W. 540 Dni w armii. – Kraków: wyd. «Cracovia», 2000.
15. Wasilewski P. Zarys historii nieformalnej obyczajowości żołnierskiej. – Toruń: wyd. Adam Marszałek, 2008. – 250 s.

Помимо русскоязычных, в польском военном жаргоне отмечаются заимствования из немецкого языка (*giwera* ‘автомат АК’ (от *das Gewehr* ‘винтовка’), *glanc* ‘вспышка’ (от *der Glanz* ‘блеск’), *pućować* ‘чистить’ (от *putzen*), *zahaltować* ‘задержать’ (от *halten* ‘держат’)), а также т.н. «немецкообразные» жаргонизмы (например: *szwancparada* ‘военный парад’), которые могли проникнуть в военный жаргон как в ходе контактов с представителями различных германских вооружённых сил (вначале Национальной народной армии ГДР, а затем и Бундесвера).

Следствием активного влияния русского языка стало образование семантических дублетов, т.е. семантических (смысловых) вариантов. Таким образом возникли дублеты *kalasz* и *giwera* ‘«калаш» (автомат Калашникова)’, *samowolka* и *lewizna* ‘«самоволка» (самовольное оставление территории части)’, *bażant* и *spermen* ‘«фазан» (студент, призванный после окончания ВУЗа и проходящий обучение в военной школе прапорщиков запаса)’ и др. (примеры современных польских военных жаргонизмов взяты из [13; 14]). Как видно из приведённых примеров, «польские» варианты жаргонизмов либо также являются иноязычными заимствованиями (например, *giwera*), либо созданы по моделям польского словообразования.

При рассмотрении польского военного жаргона в диахронии, т.е. сопоставлении жаргонной лексики, распространённой в межвоенный период и в настоящее время, была выявлена небольшая часть идентичной лексики (например, *ciénki* ‘сигарета’, *działocznyny* ‘учения в артиллерии с использованием орудийной стрельбы’), однако большая часть лексического состава подверглась изменению. Развитие лексем либо пошло по пути изменения морфологического признака рода (*gwer* – *giwera*), либо по пути усечения основы (*batalionowy* – *baon* ‘командир батальона’), либо при сохранении корня начал использоваться другой суффикс или добавилась новая основа (*druciarz* – *drucik*, *drutociąg* ‘связист’ от пол. *drut* ‘провод’), либо в основу жаргонизма был взят иной внешний отличительный фактор (*kanarek* – *bandaż*, *muchomor* ‘военнослужащий военной жандармерии’ (в первом случае отличительным признаком является цвет околыша форменной фуражки, во втором – цвет форменного ремня, а в третьем – цвет форменного берета)) и др. В жаргонных словосочетаниях изменился один из компонентов при общем сохранении семантики (*pogrzeb zapalki* ‘«похороны спички»’ – *pogrzeb peta* ‘«похороны окурка»’ (и то, и другое – вид ритуального наказания «молодого» военнослужащего за обнаруженный на территории части мусор)).

Таким образом, рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о существовании в социальных диалектах явлений константности и вариативности единиц лексического уровня языка с преобладанием последнего как в синхронии, так и в диахронии, что, в свою очередь, говорит о возможности применения сформулированных на материале литературного языка принципов лексического варьирования также к нелитературным формам языка.

Глаголы мысли в повествовании появляются, когда происходит душевный слом, но и здесь нет четкости, осознанности, ясности мысли: «Потом она легла на низком и мягком ложе и думала печально и *смутно...*»; «Долго Елена лежала неподвижная, в *каком-то* странном и *тупом* недоумении...» (*курсив наш.* – *О.О.*). Так или иначе, неразвитость и инфантильность сознания героев можно отметить в повествовании каждого рассказа.

В моменты перелома, который неизбежно происходит с героем, в повествовательную структуру влетают мотивы тоски, томления, которые становятся ведущими в цикле. Указанные мотивы привносят в нарратив рассказов цикла информацию нового плана, становятся своеобразной ремой повествования по отношению ко всему предыдущему тексту. Как правило, сопряженным этими мотивами событием становится крушение прежней жизни героя.

Мотивы связаны с героем через событийную сторону произведения. Тоска появляется в душе героя внезапно: из-за вскользь брошенного слова, взгляда, исключением будет появление этого чувства в рассказе «Баранчик» после убийства сестрой брата (в повествовании нагнетается чувство безвозвратной потери в душе ребенка: «сердце в груди тяжелеет», «страх напал и тоска», «тяжко бьется маленькое сердце») или после увиденной героем смерти, как в рассказе «Утешение». Мотивировка такого внутреннего состояния опускается, просто герой начинает всё видеть по-другому: «показалось», «чудилось», «начало охлаждать, а что именно, ещё не осмыслил», «мысли смутные неопределённые». С этого момента тоска неотступно владеет героем.

Рассмотрим парадигматическое развертывание указанных мотивов в рассказах цикла.

Любование героини «Красоты» своим телом становится главной мечтой о красоте. Ничто не омрачает сознания героини, пока реальность не вторгается в её мир, разрушая его. Уйти от грязи и пошлости мира, да и от своих дум для Елены естественно: «И вот, – как будто кто-то повелительно сказал ей, что настал ее час. Медленно и сильно вонзила она в грудь, – прямо против ровно бившегося сердца, кинжал до самой рукоятки, – и тихо умерла. Бледная рука разжалась и упала на грудь, рядом с рукоятью кинжала». Здесь, как и в других рассказах, отсутствует эмоциональная насыщенность переживания умирания. Несмотря на «завороженность» ликами смерти, Сологуб не увлечен самим процессом. Часто о смерти говорится скупое. Если повествователь задерживает взгляд на событии после смерти героя (например, «Жало смерти», «Утешение»), то только затем, чтобы подчеркнуть, равнодушие окружающего к «личной» смерти. Пожалуй, такое восприятие возникает на фоне глубокого убеждения в естественности смерти, которую следует смиренно принимать как природную данность.

В рассказе «Земле земное» мотив томления заявлен уже в самом начале повествования: «В жизни все было хорошо, – и солнце радовало, и зелень манила, – а собою Саша все чаще бывал недоволен. Почему, – он не знал, не мог

понять, и все чаще томился. <...> И чем это началось? Кажется, сущими пустяками». Что-то неуловимое во взгляде и словах отца означило для Саши начало пути охлаждения. И кажется мальчику, что вот-вот откроется ему тайный смысл о жизни: «Было тихо, и все имело такое выражение, точно сейчас придет кто-то и что-то скажет. Но никого не было». Поискам сокрытого Сашей будет посвящено дальнейшее повествование.

Томясь по неизведанному, Саша испытывает себя: отправляется на кладбище ночью. Пожалуй, эпизод на кладбище ключевой для рассказа, он сводит воедино все мотивы данного произведения. Внешняя причина, побудившая мальчика отправиться ночью в такой путь, заключается в проверке своей смелости. Но постоянное томление, владеющее Сашей, говорит и о другом невыразимом порыве: Сашу всё больше захватывает идея о том, что за этой картиной, привычной и когда-то радующей глаз и сердце, он вот-вот увидит нечто иное. Мир теряет выпуклость, живость, и вот он так же, как и Коле из рассказа «Жало смерти» начинает казаться картонным и, главное, чужим: «И почувствовал Саша, что эта немая, загадочная природа была бы для него страшнее замогильных призраков, если бы в нем был страх». Здесь же устойчивое выражение «земле земное» из молитвы, произносимой во время отпевания, приобретает иное звучание и разворачивает смысл названия рассказа: «Высокая радость забылась, едва отгорев: то было чувство неземное и не для земли. Душа же у человека земная, узкая, и Саша был еще во власти у земли. Заря занималась. Церковь розовела и погружалась в земной сон, – вечный, непробудный». Не только тело умершего предается земле, но и душа живущего человека целиком во власти земли. Ничто не способно пробудить эту душу, и религия в том числе, потому церковь смотрит в ночь «темными окнами, как незрячими глазами», а на рассвете погружается в земной непробудный сон. Нет никакой мистики (и Саша напрасно кричал «Приди», стоя на перекрестке), нет таких тайн, которые бы открылись земному взору.

Но Саша поворачивается к жизни: «Легкий холод обвеял Сашу. Весь дрожа, томимый таинственным страхом, он встал и пошел за Лепестиньей, – к жизни земной пошел он, в путь истомный и смертный». Произведение завершено, исход судьбы героя (как и любого человека) предопределен, и повторяющиеся в конце повествования мотивы томления и тоски предопределяют развитие дальнейшей судьбы Саши. Герой задается вопросом, что дает человеку смерть, и ответ практически совпадает со словами искушения героя из рассказа «Жало смерти» о том, что смерть дает свободу: «Но, что бы там ни было, как хорошо, что есть она, смерть-освободительница!»

Столкновение со смертью героя «Утешения» Дмитрия Дармостука случайно: он увидел как маленькая девочка выпала из окна. Все последующее повествование – это томление героя по смерти, выраженное для него в преследующих его мыслях о погибшей на его глазах незнакомой девочки, которая чудится ему в особо тяжелые моменты жизни. Причем её образ в сознании героя развивает-

ций»; из территориальных диалектов русского языка – *ciumiczka* (от рус. *чумичка*) ‘разливная ложка’, *riadno* (от рус. *рядно* ‘толстый холст из пеньковой или грубой льняной пряжи, а также изделия из этого холста’) ‘вязанка соломы обёрнутая полотном (использовалась как матрас)’.

Также отмечаются многочисленные лексические заимствования из немецкого языка, причём часть из них попала в польский военный жаргон из германской армии (*frajter* (от нем. *der Gefreite*) ‘ефрейтор’, *rajzentsaszka* (от нем. *die Reisetasche* ‘саквояж, дорожная сумка’) ‘чемодан’, *regiment* (от нем. *das Regiment*) ‘полк’), а часть – из австро-венгерской (*gwer* (от нем. *das Gewehr* ‘винтовка, карабин’) ‘карабин’, *mörser* (от нем. *der Mörser* ‘мортира, миномёт’) ‘миномёт’, *serwusować* (от нем. австр. *Servus!* ‘Привет!’) ‘отдавать воинское приветствие’).

Одновременное воздействие нескольких субкультур привело к тому, что одна и та же военная реальность могла иметь в жаргоне несколько дублетных наименований, представляющих собой заимствования из русского и немецкого языков. Так, например, *дозорный* в польском военном жаргоне межвоенного периода обозначался как *dozorny* (от рус. *дозорный*), *flankierz* (возможно от нем. *flankieren* ‘вести фланговый огонь’), *szperacz* (от пол. *szperac* ‘усердно разыскивать’) (примеры польских военных жаргонизмов периода 1918-1939 гг. взяты из [15]).

После Второй мировой войны, в годы существования Организации Варшавского договора (1955-1991 гг.) Войско Польское находилось в тесном взаимодействии с Советской Армией (в особенности с той её частью, которая была расквартирована в ПНР и составляла т.н. «Северную группу войск»). Кроме того, значительная часть среднего и высшего командного состава Войска Польского проходила обучение в военных учебных заведениях на территории СССР. Результатом такого тесного и продолжительного сотрудничества стало преобладание в польском военном жаргоне русскоязычных лексических заимствований. Заимствования отмечаются в таких областях лексики, как боевая техника и вооружение (*goździk* ‘самоходное артиллерийское орудие’ (от названия самоходной гаубицы «Гвоздика»), *kalasz* ‘автомат АК’, *patrony* ‘боеприпасы; патроны’), наименование военнослужащих в соответствии с родом их занятий (*rozwiadczyk* ‘военнослужащий разведподразделения’), элементы как служебной деятельности (*strojówka* ‘документ, передаваемый в продовольственную службу для обеспечения подразделения питанием, «строёвка»’), так и повседневной жизни (*odbój* ‘свободное время’ (от *ombou* ‘команда, после которой военнослужащие отдыхают в ночное время суток’), *pokurzyć* ‘зажечь сигарету, «подкурить»’), *samowolka* ‘самовольное оставление территории части, «самоволка»’) военнослужащих. Помимо непосредственных лексических заимствований наблюдаются заимствования определённых комплексных понятий, имеющих хождение исключительно в армейской среде: *sprzątać rejonu* ‘убирать территорию’, *apel mundurowy* ‘строевой смотр’, *(kopać) dwa na dwa bez dna* ‘(копать) от забора и до обеда (вид наказания)’ и др. (подробнее см.: [10, с. 333]).

ционально-экспрессивную, стилистически сниженную, зачастую грубую и оскорбительную, а также фразеологизмы.

Военный жаргон представляет собой лексическую микросистему военного социолекта, охватывающую слова и устойчивые словосочетания, обозначающие военно-профессионально-корпоративные понятия, имеющие сниженную этико-стилистическую коннотацию переходного качества (от шутивно-иронической и фамильярно-насмешливой до пейоративной и вульгарной-табу), обладающие социально-профессиональной маркированностью в военном социуме и противопоставленные в понятийно-функциональном плане своей профессиональной частью общевоенной терминологии [6, с. 59].

Доминативными чертами субкультуры военнослужащих срочной службы являются функционирование неформальной структуры в рамках отдельной социальной группы, периодизация общего срока службы на отрезки от начала до завершения службы, иерархия статусных позиций и специальных наименований военнослужащих в зависимости от отдельных периодов общего срока службы, ритуализация и карнавализация перемещений в системе иерархических отношений от начала срочной службы до её завершения [1, с. 38]. Именно эти элементы в первую очередь создают основу военного жаргона в любом языке.

Будучи неотъемлемой и наименее регламентируемой составной частью национального языка, социальные диалекты в немалой степени подвержены влиянию со стороны иностранных языков. В полной мере это относится к польскому военному жаргону, поскольку в 1918 году при организации вооружённых сил независимого польского государства в его состав вошли солдаты и офицеры, проходившие ранее военную службу в армиях трёх государств – Германии, России и Австро-Венгрии, т.е. три различные социальные группы несли свои элементы армейской субкультуры, включающей среди прочего и военный жаргон.

Прежде всего, это привело к многочисленным лексическим заимствованиям из русского и немецкого языков. Так, например, русскоязычное происхождение имеют жаргонизмы *dniewalny* ‘дневальный’, *nowobraniec* ‘новобранец’, *sztuk* ‘штук’, *kabura* ‘кобура’ и др.

Из российских военных реалий пришли такие понятия, как *kułucz* ‘килич (тип турецкой сабли)’, *lampasy* ‘лампасы’, *podwoda* (от рус. *подвода*) ‘реквизированное у местного населения транспортное средство, чаще всего телега’, *taczanka* (от рус. *тачанка*) ‘двухколёсная тележка для перевозки станкового пулемёта’, и такие элементы наведения порядка, как *kantowanie łóżka* (от рус. *окантовка кровати*) ‘отглаживание кровати табуретом’.

Часть лексики пришла в польский военный жаргон из нелитературных образований русского языка, например: из русского военного жаргона – *bumaga* (от рус. *бумага*) ‘документ любого рода (пропуск, командировочное удостоверение и т.п.)’, *dziadźka* (от рус. *дядька*) ‘старослужащий солдат, назначенный приказом для обучения новобранца’, из жаргона учащихся кадетских корпусов – *sugubyj* (от рус. *сугубец* ‘кадет первого года обучения’) ‘младший по сроку службы военнослужа-

ся. В первых его мечтах это красивая маленькая девочка, вызывающая острую жалость героя, затем воображение рисует ему новые подробности образа девочки, которая обязательно должна оказаться в раю. И вот в последующих мечтах героя Раечка представляется ему «в алмазном венце», «Легкие, прозрачные крылья трепетали за ее плечами. Она была вся ясная, как заря на закате. Ее волосы, сложенные на голове, светлы и пламенны». Девочка зовёт его в другой мир. Искушение героя смертью имеет место, но это «самоискушение», ведь герой готов осознать, что Рая – плод его воображения, но это не мешает ему вступать с ней в диалог, и думать о ней и о смерти, которую она воплощает, как об избавительнице: «Сладостно уничтожаться в молитве и созерцании алтаря, кадилевого дыма и Раи, и забывать себя, и камни, все страшные призраки из обманчивой жизни».

Мир действительности в рассказе – это мир долга и обязанности, где не позволено быть собой, где все регламентировано, однако вознаграждением за соблюдение правил являются боль, разочарование, скука и уныние. Самым острым моментом в жизни героя, с которым он просто не смог справиться, становится безобразная сцена его травли одноклассниками и учителями. Изображение во многом гротескно, но правдиво. После пережитого оставить этот мир уже не жалко.

Эпизодичность характерна для рассказов «Обруч» и «Баранчик». Хотя сюжет разворачивается в них по-разному. Рассказ «Баранчик» повторяет сюжетную схему большинства рассказов цикла: столкновение со смертью, томление, самоубийство.

В рассказе «Обруч» столкновения героя со смертью нет, он умирает от болезни: простудился одним росистым утром, играя с обручем, который становится для него воплощением счастливого детства. Жалкая, несчастная, затравленная жизнь героя преобразуется в мечте, сознание героя подменило реальность мнимыми воспоминаниями: «Умирая в фабричной больнице, среди чужих, равнодушных людей, он ясно улыбался. И его утешали воспоминания, – и он тоже был ребенком, и смеялся, и бегал по свежей траве под сумрачными деревьями, – и за ним смотрела милая мама».

Текст рассказа «Жало смерти», центрального в структуре цикла, целиком построен на бинарной оппозиции. Оппозиции «жизнь – смерть», «живое – неживое», «счастье – несчастье», «день – ночь» лежат в описании любой картины мира и носят универсальный характер. Однако если в общезыковой картине мира левая часть оппозиции обычно маркирована положительно, то в этом и некоторых других рассказах Сологуба, отрицательно оценивается именно левая часть оппозиции. Это обусловлено особым взглядом героев на окружающий мир после произошедшего в их сознании перелома.

В повествовании неоднократно будет подчеркиваться, что для человека, стоящего по эту сторону, природа – это родная стихия. Знаменательным является позиционирование повествователем себя в пространстве текста как при-

надлежащего этому миру, не заглянувшего за грань, стоящего на этой «нашей» стороне: «Чуть плескался ручей, с недоумевающим, вопрошающим ропотом. В лесу раздавались порою тихие шорохи. Робко таясь, и тая неуклонные стремления, жила своею неведомою и *родною нам* жизнью природа...» (*курсив наш. – О.О.*). И в следующем абзаце вновь описывается тоска мальчика, ещё не осознавшего причины своего томления, но уже ушедшего за грань: «Коля ждал. Тоскливая скука томила его. Так много было вокруг всяких милых прежде предметов, – деревьев, трав, – и звуков, и движений, – но все это казалось словно пустым. И далеким». Два сложных синтаксических целых в границах одной глажки антонимичны друг другу: плеск, ропот, шорох природы, выражающей таким способом свою жизнь, и неподвижность томимого «тоскливой скукой», ждущего мальчика, взирающего на этот мир, как на пустой и далёкий. Но вот раздаётся опять шорох и Коля слышит шаги товарища: «Послышался шорох, далекый, тихий, – но уже Коля сразу признал, что это приближается Ваня. И Коле стало весело».

Позиции повествователя и позиция Коли принципиально противоположны, повествователь принадлежит этому миру и воспринимает его красоту, таинственность, но главное – жизненность и родственность. Для Коли этот мир чужд и враждебен. Его душа постепенно утрачивает возможность воспринимать мир и радоваться окружающему: сначала равнодушие овладевает им, потом вместо чувств появляется лишь «воспоминание о чувствах», затем в его жизнь входит ощущение враждебности этого мира. И Ваня уже воспринимается им как спаситель. Интересно описание появления Вани: шорохи природы не радуют Колю и заставляют тосковать, но он тонко расслышал «шорох» шагов своего товарища; окружающее кажется Коле пустым и далеким, но шорох шагов Вани, «далёкий и тихий», радует мальчика. Буквально одни и те же слова в повествовании выражают диаметрально противоположные ощущения и чувства. И это принципиальное свойство художественного метода Ф. Сологуба, отличающее его от других символистов, для которых уход за грань, в иномирие – важное событие (например, в новеллах В. Брюсова взаимопроникновение иллюзии и действительности – важная черта повествования, стирание в сознании героя грани между явью и реальностью – пуант новелл). У Сологуба нет бегства в другое измерение, нет мира мечты и реальности. Мир один и тот же, но двойственно его восприятие героем, пока ещё живущим в этом мире. Потому и смерть героев не меняет окружающего равнодушия: «Вода раздалась и плеснула, брызги взлетали, темные круги пробежали по воде, умирая. И стало снова тихо.

Мертвая луна, ясная и холодная, висела над темным обрывом».

Последнее искушение героя заставляет вспомнить евангельскую притчу об искушении Христа в пустыне дьяволом: «Ну вот, если Он тебя спасти хочет, пусть эти камни в торбочке сделает хлебом» – убеждает Ваня перед тем, как утопить Колю и самому последовать за ним. Постепенное погружение в грех заканчивается отрицанием божественного промысла. Вера Коли поколебалась,

или норм, идущих из разных подсистем общей системы языка народа» [3, с. 20]. Как отмечает Г.Г. Ивлева, «...возможность варьирования заложена в самой природе языка <...> процесс варьирования можно считать закономерным в языке, так как он характеризует языковые единицы различных уровней и является постоянным признаком языкового развития» [5, с. 121]. Лексическое варьирование представляет особый интерес для изучения, поскольку, по словам В.М. Солнцева «...чем выше уровень системы, тем многообразнее различия между вариантами» [11, с. 3].

Как известно, репрезентирующие единицы лексического уровня языка являются двусторонними, т.е. обладающими знаковой формой и значением. Так, слово состоит соответственно из номемы и лексемы [11, с. 225] (некоторые исследователи соотносят лексему с планом выражения, а единицей плана содержания лексического уровня языка считают семантему (или семему) [2, с. 464]). В связи с этим, различными являются и подходы к выделению основополагающих принципов определения вариантов единиц данного языкового уровня. Для определения вариантов лексической единицы по знаковой форме применяется принцип тождества её морфологической структуры (в более строгом подходе под структурой подразумевается лишь корень слова [4, с. 14], в менее строгом – корень и суффикс [7, с. 12]), а для вариантов по значению лексической единицы – принцип их семантического тождества [8, с. 141].

Творческое обобщение опыта предыдущих исследований позволило высказать предположение относительно того, что варианты единиц лексического уровня языка в плане содержания могут объединять полные синонимы (слова, допускающие взаимное замещение в синтаксических и лексических сочетаниях: *лингвистика – языкознание, бегемот – гиппопотам*) и внутриязыковые эквиваленты (слова, не допускающие взаимозаменяемости в рамках одной лексико-семантической парадигмы: *лавсан – полиэтилентерефталат – терепласт*) [8, с. 140].

Исследования лексики литературного языка позволили установить, что сложившаяся литературная норма не исключает вариантности отдельных языковых средств, но в стандартизованном литературном языке варианты обычно выполняют различные стилистические функции [12, с. 16]. При этом единицы лексического уровня языка могут быть связаны отношениями вариантности не только в синхронии, но и в диахронии [9, с. 77]. Попытаемся определить, действуют ли выявленные нами законы в нелитературных языковых образованиях.

В среде людей, объединённых общей профессией, рано или поздно возникает профессиональный жаргон, объединяющий наиболее часто используемую данной социальной группой лексику. Жаргон является одним из типов социальных диалектов языка, возникающий из потребности отдельных общественных и возрастных групп обособить себя и выделиться среди других языковыми средствами. Выделение вызывается особенностями жизни этих коллективов стремлением к самоутверждению, их психологией, своеобразием их субкультуры. В целом жаргон предпочитает не спокойную, нейтральную лексику, а эмо-

нок труда и его институты пока не обеспечивают своевременного и эффективного трудоустройства молодежи [3];

во-вторых, с накоплением опыта и знаний основным каналом трудоустройства становится самостоятельный поиск работы;

в-третьих, достаточно активно использует формальные каналы трудоустройства молодежь, которая не обладает необходимым социальным капиталом;

в-четвертых, чем более развит рынок труда, и чем больше возможностей трудоустройства, тем выше использование такого канала как самостоятельный поиск работы.

Учитывая актуальность проблемы трудоустройства молодежи, вопросы особенностей ее поведения на рынке труда и, в частности, выбор путей трудоустройства нуждаются в дальнейшем изучении.

Литература:

1. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М: Мысль, 2007. С. 209 – 222

2. Грановеттер. М. Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд. В сб.: Радаев В. В. (ред. и сост.). Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН; С. 369–399.

3. Электронный ресурс: сайт института предпринимательства Уральского федерального округа <http://www.unibiztv.ru/CareerRize2010/>

К.ф.н., доцент Нечаевский В.О.

Военный университет, Россия

ЛЕКСИКА СОЦИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ: КОНСТАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОГО ВОЕННОГО ЖАРГОНА)

Понятие вариантности применяется как к языку в целом, так и к различным формам его существования: устной и письменной, кодифицированной и диалектной, литературному языку, а также региональным и социальным разновидностям национального языка. Накопленный в лингвистике теоретический и фактический материал позволяет говорить об известной универсальности явления вариантности, о его «сквозном» для языка характере. На потенциальную вариантность нормы указывал Б.Н. Головин: «Норма – это исторически принятый в данном коллективе (предпочтённый) выбор одного из функциональных или парадигматических вариантов языкового знака. Поэтому же неизбежны колебания нормы, сосуществование в отдельных «узлах» старой и новой нормы

и это был последний, самый главный грех, который привел к разрушению последних духовных связей Коли с этим миром.

Таким образом, можно выявить некую сюжетную схему, характерную для большинства рассказов цикла. Отправной точкой повествования становится перелом в жизни героя, причем это не какая-либо внешняя катастрофа, хотя часто столкновение со смертью, как, например, в рассказах «Баранчик» и «Утешение» впервые наводит героя на мысли о конце. Так или иначе, в какой-то момент жизни герои поддаются искушению смертью. В повествование входят мотивы тоски, томления, неудовлетворенности окружающим миром. Они делают героя изгнанником. Понять и утешить его могут только герои, находящиеся на той же грани между смертью и жизнью (живущие на чердаке мать с дочерью в рассказе «Утешение», Ваня Зеленев, стремящийся к смерти и ненавидящий всё и вся в рассказе «Жало смерти»). Эти герои тоже занимают пограничное положение, например, живут на чердаке в рассказе «Утешение», их непринадлежность этому миру подчеркивается и внешне, например, «русалочья» внешность Вани Зеленева. Остальные герои «земные». Так, например, последовав за своей няней, герой рассказа «Земле земной» Саша Кораблев повернулся к жизни. Затем в душе героя утрачивают свои привычные места окружающий мир, природа, близкие люди – всё это становится враждебным, чуждым. Герою видится пошлость, мрачность, скуку этой жизни. И он уже не может противиться «губительной мечте». «Жало смерти» – это одновременно и искушение героя мечтой о смерти-утешительнице, и последний смертный грех, который он может совершить в земной жизни.

Автор не заставляет сочувствовать герою, потому и «преждевременная смерть» героя-подростка не должна шокировать. И хотя смерть для героев не «обыденное дело» (как, например, для некоторых героев А. Чехова), они открыты ей, потому что в окружающем мире и жизни нет тех целостности, законченности, утешения и свободы, какие есть в смерти.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что перед нами цикл, части которого реализуют авторскую концепцию жанра, не тождественного роману, но и не равного сборнику рассказов. Характерный для цикла принцип монтажной композиции становится средством отражения авторской картины мира. Можно также говорить о «циклическом» герое. Стремление к консолидации рассказов демонстрируется за счет общности мотивов, тем, единства проблематики, схожести композиции рассказов. Однако не будем категорично заявлять, что данная жанровая парадигма не может развиваться в рамках «центробежного» процесса. Попытаться раскрыть одну глобальную тему – вот чему посвящено творчество Ф. Сологуба. Потому рассмотренные рассказы имеют более широкий контекст – контекст всего творчества писателя. А «Жало смерти» вступает в парадигматические связи с другими циклическими единствами.

Литература:

1. Сологуб Ф. Искусство наших дней // Сологуб Ф. Творимая легенда. М.-СПб., 1991. – С. 198.
2. Барковская Н.В. Поэтика символистского романа. Екатеринбург, 1996. – С. 123.
3. Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Сологуб Ф. Жало смерти. Истлевающие личины. СПб.: Навьи чары, 2001.

К.ф.н. Романенко В.А.

Тираспольский государственный университет, Приднестровье

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ОТГОЛОСКИ В ПЕСЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ В.Р. ЦОЯ

Образы В.Р. Цоя – «эмоциональные знаки» (Б. Гребенщиков) состояния конкретной личности, человека и целого поколения молодежи, поколения «0» поколения «X», оказавшегося на переломе истории. Поэт надеется, что, как и он, тот, кто придет за ним, продолжит без лукавства нести людям свет истины, вовремя говоря им нужное, искреннее слово («Последний герой»). Кто же предшественники Поэта, от которых он принял свой духовный пост, кто питал его творчество мотивами, символами? Песенное творчество В.Р. Цоя позволяет нам отчасти обнаружить некоторые интертекстуальные связи с текстами предшественников.

Душа, страдающая, обреченная на одиночество, подвергается на каждом шагу смертельной опасности, но вечно тянется к свету жизни, Солнцу, теплу, пусть бы оно и было только в твоём сердце или в песне.

В песне «Лето» примечательна аппликация микро- и макрообразов – *солнце и грань стакана, солнце и пивная кружка*. Почти совсем близко к образу «*выпить солнце*». Сравним с родственным образом из стихов китайского поэта Су Ши:

1. Су Ши:

*Горские вина не слишком хмелят,
нам опьяняет мудрено –
Так давайте отведаем, друзья,
луны, упавшей в вино!*

(«В лунную ночь пью с друзьями под абрикосовыми деревьями»)

2. В.Р. Цой:

*Солнце в кружке пивной,
Солнце в грани стакана в руке.*

В песне «Хочу быть с тобой» мотив прибоа сродни гриновскому – «море шумит **в сердцах**» (А.С. Грин «Блистающий мир»). Пожалуй, наиболее полно

Реже всего прибегает к самостоятельным поискам работы наименее обеспеченная часть молодежи («Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания»), а более самостоятельна в плане трудоустройства бедная и обеспеченная молодежь («Денег хватает только на продукты питания и обязательные выплаты» и «Трудностей нет, но покупка машины затруднена») (рис.4).

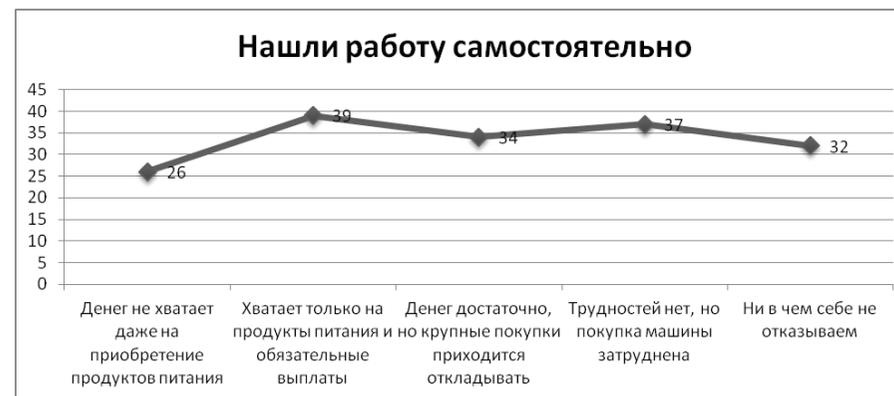

Рис.4. Доля молодежи, нашедшей работу самостоятельно в разрезе разнодоходных групп (в % от опрошенных в данной группе)

На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что молодежь, которая не обладает необходимым социальным капиталом, слабо встроена в социальные сети, достаточно активно использует формальные каналы трудоустройства. Например, в Центр занятости чаще обращается сельская молодежь (16%) и подростки 14-17 лет (23%), последние также активно используют помощь молодежной биржи труда (11%) и молодежных общественных организаций (10%).

Таким образом, формальные каналы трудоустройства больше востребованы теми группами молодежи, которые не обладают пока ни социальным капиталом (связи), ни человеческим (опытом, знаниями, трудовыми навыками и т.п.), т.е. наиболее уязвимыми на рынке труда группами. Это, как правило, молодые люди в возрасте от 14 до 22 лет, с невысоким уровнем материального положения, без образования, в основном, проживающие в сельской местности. Более старшие категории молодежи уже более самостоятельны в поиске работы, особенно уровень самостоятельности возрастает в областном центре.

Итак, проведенный социологический анализ позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, преобладание в «арсенале» способов трудоустройства неофициальных каналов (или социального капитала) свидетельствуют о том, что ры-

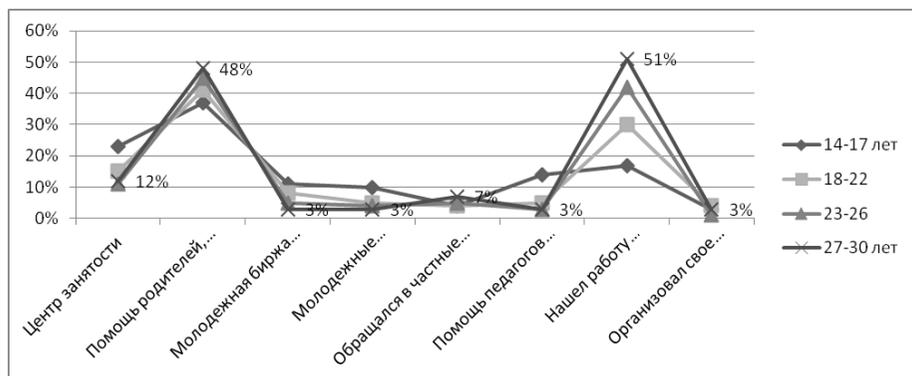

Рис. 2 Каналы трудоустройства молодежи в разрезе возрастных групп (в % от опрошенных)

Во-вторых, чем более развит рынок труда, и чем больше возможностей трудоустройства, тем выше использование такого канала как самостоятельный поиск работы. Например, среди сельской молодежи данный канал использовали лишь 28% опрошенных. Молодежь малых городов Тюменской области пользуется данным каналом почти на 10% больше (37%), чем сельская молодежь. А в самой Тюмени трудоустроились самостоятельно уже 41% респондентов (рис. 3).

Рис. 3. Используемые каналы трудоустройства по типу населенного пункта (в % от опрошенных)

То есть использование тех или иных каналов трудоустройства детерминировано местом жительства, которое определяет особенности местного рынка труда и соответственно, выбор молодежью путей трудоустройства.

мотив свободы выразился в песне «Музыка волн», где шум волн, ветра, деревьев сливаются в едином музыкальном аккорде («Музыка волн»).

Красоте природной гармонии противопоставлены теснота и духота городского пространства с его машинами (концепт замкнутого пространства), асфальтом (концепт линейного движения по заданной траектории), домами, квартирами (концепты неволи). Такую антитезу питают не только индивидуальное восприятие мира поэтом, но и глубокая романтическая традиция, в XX веке вылившаяся сначала в символизм, а затем оформившаяся как неоромантизм.

Духовная битва сроком две тысячи лет (христианская аллюзия), невидимая война «без особых причин» будет идти всегда, пока человек идет по пути совершенствования, преодолевая страх, отчаяние, природную слабость, побеждая в себе смерть.

Жизнь, истинная, духовная, неуничтожима. Она в духе восточного мировоззрения лишь меняет свои формы, переходя из одного состояния в другое. Так образуется метонимическая цепочка *кровь – земля – цветы и трава* («Звезда по имени «Солнце»»). Интересна возникающая реминисценция об образной трансформации *живое → неживое* в стихотворении А.А. Ахматовой «Родная земля».

Отсутствие нравственного ориентира, духовного маяка у целого поколения выразилось в глубоко пессимистических мотивах поэзии В.Р. Цоя. Если у В.С. Высоцкого нормальное лицо принимается за маску. При этом, с одной стороны, автора беспокоит, «*что если маски сброшены, а там – // все те же полумаски-полулица?!*»; с другой – современная функция маски – защищать нормальные, человеческие лица «от плевков и от пощечин»:

*Как доброго лица не прозевать,
как честных угадать наверняка мне?!
... Они решили маски надевать,
чтоб не разбить свое лицо о камни.
(В.С. Высоцкий, «Маски»),
то у В.Р. Цоя уже совсем
(...) не понятно, где лицо, а где рыло,
И не понятно, где пряник, где плеть.
(...) Что построить, и что разрушить,
И кому, и зачем здесь петь?
(«Нам с тобой»)*

Душе неуютно в теле, как неуютно человеку в доме, она ищет выхода, готовится к побегу, постоянно чего-то жаждет, ищет («Стук»). Границы реальности для души зыбки, проницаемы (стекло витрины с отражением внешнего мира, стекло окна). Да и сам дом, как и тело человека, теряет функцию защиты: такое неприятное для героя природное явление, как снег проникает уже внутрь помещения («В наших глазах»). В этой связи как не вспомнить проницаемость для дождя помещений домов в фильмах А.А. Тарковского («Сталкер», «Ностальгия», «Солярис» и др.).

Внутренней статике дома противопоставлена динамика окружающего мира. Однако динамика эта оказывается механической, неживой, такой же, как, например, в стихотворении А.А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека»):

*За окном идет стройка – работает кран,
И закрыт пятый год за углом ресторан.
А на столе стоит банка,
А в банке тюльпан, а на окне – стакан.
И так уйдут за годом год, так и жизнь пройдет,
И в сотый раз маслом вниз упадет бутерброд.*
(«Кончится лето»)

Как видим, изменилась атрибутика, но жизнь все так же движется по кругу, «за годом год».

Все концепты песенного творчества В.Р. Цоя скреплены инвариантным мотивом тоски-печали, предчувствия грядущих трагических событий. Этому предчувствию дало оформиться чисто семиотическое наблюдение над распадом формы и содержания знаков социальной жизни, особенно институализированных знаков-эмблем («Вера – Надежда – Любовь»). Предвидение поэта переключается с предвидением другого глашатая своего времени – В.С. Высоцкого с его «Нет, ребята, все не так».

К литературным реминисценциям В.Р. Цоя относится и стих «Мама, мы все тяжело больны» («Мама, мы все сошли с ума»), но если в стихах В.В. Маяковского речь идет о личной драме («Мама, Ваш сын прекрасно болен»), то у В.Р. Цоя это диагноз целого поколения. И диагноз этот страшен: он – безумие. В мире, «вывихнувшем свой сустав», совсем по-гамлетовски звучат слова поэта:

*Ты должен быть сильным, ты должен уметь сказать:
Руки прочь, прочь от меня!
Ты должен быть сильным, иначе зачем тебе быть.
Что будет стоить тысячи слов,
Когда важна будет крепость руки?
И вот ты стоишь на берегу и думаешь:
«Плыть или не плыть?»» («Мама, мы все сошли с ума»)*

Что остается Поэту в мире, где некому и незачем петь, где, как писал его великий предшественник В.С. Высоцкий, «души застыли под коркою льда»? Уйти туда, за границу совей материальности, своего дома-тела, где дождь смывает все следы бытия, и остается один смех («Закрой за мной дверь, я ухожу»).

Литература:

1. Виктор Цой Звезда по имени Солнце: Стихи. Песни. Воспоминания. – М.: Эксмо, 2007. – 415 с.

тей трудоустройства – эти задачи решались в ходе социологического мониторинга «Молодежная политика в Тюменской области», который проводился лабораторией регионального развития Тюменского государственного университета на территории юга Тюменской области на протяжении 2010 и 2011 гг. * На рисунке 1 представлен рейтинг каналов трудоустройства тюменской молодежи в 2010 и 2011 гг.

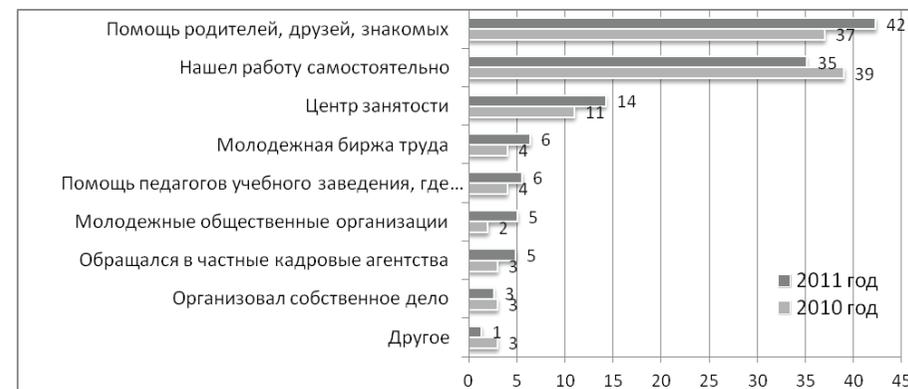

Рис.1. Каналы трудоустройства молодежи по результатам исследований в 2010 и 2011 годах (в % от опрошенных)

Если в 2010 г. два самых популярных канала трудоустройства (самостоятельный поиск работы и помощь близких) использовались молодыми людьми примерно в равной степени (на уровне 37% – 39%), то в 2011 г. при трудоустройстве молодежь использовала второй канал гораздо чаще, чем самостоятельный поиск (42% и 35% соответственно). Популярность других способов трудоустройства намного ниже: например, в центр занятости молодые люди обращались в 3 раза, а в Молодежную биржу труда – в 7 раз реже, чем прибегали к помощи родных и знакомых.

Приоритет неофициальных путей трудоустройства (представляющих, по М.Грановеттеру систему сильных и слабых связей [2]) перед официальными объясняется у молодежи чаще всего ее возрастающей инфантильностью, несамостоятельностью. Но дальнейший анализ результатов проведенного социологического мониторинга, опровергает подобное объяснение.

Во-первых, с накоплением опыта и знаний использование самостоятельного поиска работы становится основным каналом трудоустройства: среди «старшей» молодежи к нему прибегают уже 51% респондентов (рис. 2).

Аспирант кафедры менеджмента, маркетинга и логистики Манокин Н.А.
Тюменский государственный университет, Россия

ПУТИ ТРУДОУСТРОЙСТВА ТЮМЕНСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Проблема занятости является одной из фундаментальных в развитии и функционировании человеческого общества. Особенно актуальна эта проблема для современной России, которая столкнулась с действием рыночных механизмов в экономике, вызвавших структурные преобразования всего народного хозяйства и, прежде всего, изменения в трудовой жизни людей.

В этих условиях особо важным является изучение поведения на рынке труда наименее защищенных субъектов этого рынка, в частности, молодежи.

Молодые люди характеризуются неустойчивостью, отсутствием производственного стажа и опыта работы и, как следствие, относительно низким профессиональным статусом. Из-за перенасыщенности рынка труда более конкурентоспособными категориями населения трудоустройство молодежи достаточно затруднено, поэтому риск становится наиболее значимым фактором социально-экономического развития молодежи [1].

В то же время, молодежь является наиболее перспективной категорией рабочей силы. Еще полностью не сформировавшись как субъект трудовой деятельности, она наиболее восприимчива ко всем изменениям, имеет способность к постоянной смене трудовых функций, огромные возможности профессионального роста, наиболее продолжительный период предстоящей трудовой деятельности. Данные особенности определяют значимость и важность этой социальной группы в системе воспроизводства и развития трудовых отношений. От того, насколько самостоятельна молодежь, насколько широко она включена в трудовую сферу, насколько активно ее участие в ней, во многом зависят темпы развития как России в целом, так и ее отдельных регионов.

Для проведения эффективной региональной политики занятости молодежи с применением активных форм воздействия на рынок труда необходимо располагать достаточной и надежной информацией о поведении молодежи на рынке труда.

При изучении трудового поведения молодежи, ее активности и самостоятельности в трудовой сфере важно, прежде всего, определить, способы вхождения молодежи в профессиональную среду – какие пути трудоустройства она задействует при поиске работы. Этот поиск включает в себя как формальные (областной центр занятости, молодежная биржа труда, молодежные общественные организации, кадровые агентства) и неформальные пути трудоустройства (помощь родственникам и знакомых), так и самостоятельный поиск работы. Насколько молодежь самостоятельна в этом поиске, какие пути трудоустройства она чаще всего использует, какие факторы определяют выбор тех или иных пу-

Гумерова Н.Р.
Башкирский государственный университет, Россия

ГРОТЕСК В ТВОРЧЕСТВЕ Э.ЛИРА

Термин «гротеск» – многозначный и объемный. Он охватывает целый пласт понятий – это и наскальная живопись, и карикатура, и художественный приём.

Впервые о нём заговорили в XV столетии, когда при раскопках в гротах (отсюда – происхождение слова) на стенах были обнаружены рисунки, сочетающие в себе на первый взгляд несочетаемые элементы. Такой вид живописи сразу обратил на себя внимание и стал довольно популярным. Известно, что найденные орнаменты составляли часть убранства недостроенного Золотого дома императора Нерона [3].

О гротеске в литературе начали говорить в эпоху средневекового христианства: ваганты, использовавшие комический гротеск, считаются первыми, кто его использовал, а авторы фарсов и фавлю, также бывших популярными в то время, предпочитали более грубые формы гротеска и выражали в своих текстах смутно-революционные настроения третьего сословия. В гротеске эпохи Ренессанса с его приёмами «грубой комикс» доминантой, главным оружием борьбы с социумом становится сатира, выразившаяся в формах «чрезмерного преувеличения» и «комического контраста» [4] и помогавшая критиковать все устои общества. В XVIII веке в творчестве отдельных писателей (например, Свифта) гротеск продолжает выступать в качестве политической и социальной сатиры, а в сочинениях английских сентименталистов (таких, как Стерн) он получает новые функции как форма юмора. Конец XVIII–начало XIX характеризуется ещё более упадочным настроением в гротеске романтиков. Вместе с тем именно в это время он получил мощное теоретическое осмысление и стал основой целого мировоззрения, впервые был обоснован философски. Гротеск рубежа веков отражает «в себе восприятие ущербности, неустойчивости бытия» [4]. В XX веке характер гротеска несколько меняется, но писатели продолжают обращаться к нему затем, чтобы показать с его помощью страшную, пугающую действительность.

М.М. Бахтин в фундаментальной работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Возрождения» (1965) выделяет три типа смеховой культуры:

1. Обрядово-зрелищные формы;
2. Словесные смеховые произведения разного рода: устные и письменные, на латинском и на родном языках;
3. Различные формы и жанры фамильярно-площадной речи [2].

Обрядовость смеха связана в первую очередь с карнавализацией действительности. В основе этой идеи – «идея об «инверсии двоичных противопостав-

лений», то есть переворачивание смысла бинарных оппозиций» [6]. Материально-телесный низ становится главенствующим, происходит прямая перестановка вещей и объектов. Все словесные смеховые произведения насквозь пропитаны карнавальным и фольклорным содержанием, зачастую они являются «литературным» сопровождением карнавалов и народных гуляний. При этом речь не могла остаться неизменной, поэтому в ней характерным явлением стали различного рода ругательства, фамильярное обращение и панибратство участников карнавала.

Обратимся к творчеству Эдварда Лира. Это художник с необыкновенным взглядом на мир, самобытный и «выламывающийся» из рамок своей эпохи. Его творческое наследие – сотни лимериков, небылиц, стихотворных миниатюр и рисунков.

По словам исследователя Н. Демуровой, «Лир создал особый, ни на что не похожий мир, отвергавший все правила и законы «здравомыслящего» общества», в котором люди заняты «самими основами «бытия» – они едят, пьют, спят, ловят рыбу, бегают, прыгают, умирают и воскресают. <...> Всё это подчёркнуто земное, связанное с физическим бытием, складывается в весёлую гротескную картину бытия» [5]. Материальные основы мира изображены подчёркнуто гротескно.

Главным признаком гротеска является преувеличение, гиперболизация действительности, а также, по Бахтину, избыток чего-либо, чрезмерность. Он отмечает, что «в основе гротескных образов лежит особое представление о телесном целом и о границах этого целого. Границы между телом и миром и между отдельными телами в гротеске проводятся совершенно иначе, чем в классических и натуралистических образах» [1]. Тело, а точнее, его часть, становится чем-то вроде отдельного, самостоятельно существующего и действующего «персонажа».

В лимериках Лира встречаются старичок с гнездом в бороде [7, 21]; «старик с выдающимся носом» [7, 23]; девица с острым, как спица, подбородком [7, 23]; девица с «великими безразмерно зеницами» [7, 50]; долгоногий старик, перемещающийся из города в город прыжками [7, 89]; старик с маленькой головой, приобретающий пышнокудрый парик [7, 98]; старик-долгонос, на котором «помещалось легко пташек до ста» [7, 131]. Как видим, в создании этих образов Эдвард Лир продолжает традиции, заложенные Рабле и научно обоснованные Бахтиным.

Говоря о гиперболизации, нельзя не упомянуть о мотиве непомерного обжорства и пьянства. Круглый старик, который «пить любил не от жажды, а просто» [7, 41]; старик, съевший почти двадцать кроликов, а после этого «зелен сделался вдруг и оставил дурные привычки» [7, 52]; старец, вкушавший при луне бренди и соевый соус [7, 84]; пожилая персона, добавлявшая в кашу мышей [7, 128] – всё это относится к материально-телесному низу и выводится на первый план, как этого и требует гротеск.

В данных лимериках иногда возникает бинарная оппозиция жизни и смерти – смерти от обжорства и счастливого спасения: вспомним о старце, который чуть было не умер, но его вовремя накормили «живительным» коровьим маслом [7,

The results of our study allow us to determine specific national, cultural, and linguistic features of the linguocultural concepts «kinship» and «affinity».

Currently nuclear two-generation family type is the most widespread one (parents with children), therefore the semantic meaning of remote relation terms are withering in common everyday speech.

References:

1. Чудинов А.П. Семная структура лексического значения на материале русских терминов родства // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1991. С. 29-36.
2. Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык: Опыт истории языка по Остромирову Евангелию. М., 1848.; Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. 1858.
3. Ольдерогге Д.А. Некоторые вопросы изучения систем родства // Советская этнография. 1958. №1. С. 3-10.
4. Ольдерогге Д.А. Основные черты развития систем родства // Советская этнография. 1960. № 6. С. 24-30.
5. Бутинов Н.А. Община, семья, род // Советская этнография, 1968. №2. С. 91-95.
6. Терпак М.А. Метафорические средства выражения английской концептосферы «Семья» // Вестник Самарского государственного университета, 2006. №10/2 (50);
7. Демина М.В. Гендерная концептосфера британского сказочного дискурса: от традиции к современности // Вестник СамГУ, 2006. №10/2 (50). С. 90-97;
8. Чудинов А.П. Теория метафорического моделирования на современном этапе развития // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург: 2000. Т. 5;
9. Палаева И.В. Реконструкция гендерной концептосферы в картине мира среднеанглийского периода. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2005.
10. Мундагалиева А.А. Морфо-семантический анализ терминов родства в современном английском языке. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.

The original notional sphere of the «kinship and affinity» concept is therefore divided into terminals according to the family types following the concept's frame model:

Terminal 1. nuclear family

Slot 1. parents and children

Subslot 1 mother/father

Subslot 2 son/daughter

Subslot 3 brother/sister

Terminal 2 – patriarchal family Slot 1. house / home / family

Slot 2. master of the house/father

Slot 3. distant relatives

Subslot 1 cousins

Subslot 2 nephew/niece

Subslot 3 uncle/aunt

Terminal 3. relatives-in-law

Slot 1. husband (man) and wife

Slot 2. – marriage

Slot 3. – divorce

Terminal 4. clan

Slot 1 chieftain

Slot 2. relations inside of the clan

The analysis of «kinship» and «affinity» conceptsphere in Russian and English shows that lexical units denoting family relations are highly metaphorical. The sphere structure is very detailed, all its frames and slots have a large number of associations and belong to the «eternal» human interests.

The comparative-contrastive analysis of kinship/affinity terminology in the two languages allows us to conclude as follows:

Family relations are reflected in a linguocultural concept which has various ways of expression in the language as well as certain structure, the latter being partially identical in the Russian and English languages and language consciousnesses.

Kinship relations concepts include a number of connotations specific solely to English/Russian linguocultural spheres, which is also reflected in the semantic field of the languages combining kinship terms and collective notions of home, family, relations through blood and marriage.

The range of family relations metaphors testifies to a pronounced conservatism and adherence to traditions in the English family lore.

Presently, there are no new kinship terms appearing in the Russian language. In fact, the opposite is true: kinship terminology is being dispersed and eroded, with the younger generation gradually losing their knowledge of it.

65]. Однако не везде звучит мотив избавления от смерти: например, в лимерике, повествующем о чрезвычайно сублильном мужчине, который «по ошибке, безгрешен, в пироге был замешен, запечён старичон из Берлина» [7, 109].

Необходимо так же отметить, что Лир сопровождал свои лимерики графическими изображениями, карикатурами, которые рисовал сам.

Используя традиции гротеска, Эдвард Лир продолжал основную идею своего творчества – сатирически высмеять, раскритиковать современное ему общество, которое он никогда не понимал и не принимал.

Литература:

1. Бахтин М.М. Гротескный образ у тела Рабле и его источники // Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Возрождения. – URL: http://krotov.info/libr_min/02_b/ah/baht_06.html. Дата обращения 7.05.2012.

2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Возрождения. – URL: <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/rable.html>. Дата обращения 30.04.2012.

3. Гротеск. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D0%BA>. Дата обращения 19.04.2012.

4. Гротеск. Фундаментальная электронная библиотека: русская литература и фольклор. URL <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le3/le3-0282.htm>. Дата обращения 19.04.2012.

5. Демурова Н. Эдвард Лир и английская поэзия нонсенса. URL: <http://www.limericks.narod.ru/lear.htm>. Дата доступа 25.09.2011.

6. Карнавализация. URL: <http://www.philosophy.ru/edu/ref/rudnev/b126.htm>. Дата доступа 19.04.2012.

7. Лир Э. Полный нонсенс! / Пер. Б. Архипцева. – М.: Изд-во журнала «Москва», 2008. – 288 с., с илл.

Д.ф.н., проф. Ишимбаева Г.Г.

Башкирский государственный университет, Россия

«ВЕНСКИЕ КАРТИНЫ» ВИЛЛИБАЛЬДА АЛЕКСИСА

«Венские картины» (1833), названные так по образцу знаменитых «Путевых картин» Генриха Гейне – программное сочинение Виллибальда Алексиса (1798–1871), продолжателя вальтерскоттовской традиции, основоположника немецкого исторического романа. Писатель здесь не только рассказал о конкретных событиях, свидетелем которых был, но и попытался оценить настоя-

щее Пруссии, определить пути ее государственного усовершенствования, сформулировать концепцию истории, государства, правителя, – концепцию, впоследствии философско-поэтически развитую в исторических романах.

В. Алексис причисляет себя к сторонникам наследственной монархии: по его «глубокому и прочному убеждению», она «есть единственно приемлемая форма правления для Европы» [1, 427]. Писатель заявляет о своей вере «в божественное право короля», так как монархия, сохраняя право собственности, гарантирует совершенное беспартийное управление, равенство всех граждан, свободу мнений [1, 427-428]. Однако этот постулируемый роялизм не исключает в «Венских картинах» критики монархического правительства: «Я – немецкий роялист, несмотря на то, что Кеплер умер от голода, Бюргер погиб, Лессинг лишь на склоне лет получил чин библиотекаря, Шиллер боролся с нуждой, Гете скрылся в маленьком Веймаре, Генрих фон Клейст должен был кончить жизнь самоубийством и Людвиг Тик только в год своего 60-летия получил от саксонского короля пенсию, которая приблизительно равна заработку иностранной танцовщицы за одно представление в Берлине» [1, 429-430].

Как «роялист, несмотря ни на что» [1, 429-430, 452], В. Алексис отвергает республиканское государственное устройство. И вслед за скорбным реестром немецких литераторов, испытавших на себе гнетущую милость королевской власти, он заявляет, что считает республику «немыслимой» [1, 423] и такой же «химерой», как народную суверенность [1, 434].

Стремясь предельно честно изложить свое политическое кредо, автор «Венских картин» дает объективную оценку абсолютизации как монархии, так и республики. Абсолютизация первой есть зло, так как в ней, «высшим законом является произвол регента» [1, 436], но и абсолютная республика, по его мнению, мало отличается от абсолютной монархии [1, 436].

Серьезно и глубоко размышляя о путях развития современного общества, В. Алексис обращается к очень популярной в Германии с конца 1810-х гг. идее конституции как исторической необходимости, но не считает ее панацеей от всех бед: «Я не думаю, что благодаря представительной конституции будут связаны руки произволу и на земле установится рай, но я все же за представительную конституцию там, где она возможна» [1, 437-438], потому что она выражает «очищенную волю народа» [1, 438], способствуя прогрессу человечества. Конституция «неумолимо осуждает любой произвол. Она торжествует казни, она облегчает наказания, она освобождает инакомыслящих, ирландцев и евреев, она преобразовывает Турцию, она предотвращает народные войны; она уже царствует в римской коллегии кардиналов, она закрыла тюрьму мадридской инквизиции» [1, 438-439].

Понимая, что за конституцией большие возможности в служении делу развития человеческих взаимоотношений, автор «Венских картин» он, однако, не боится признаться: «Я мало верю в единственную церковь, приносящую радость, в единственную форму правления, в единственную идею в искусстве и

«family» from the lingvocultural standpoint [6]; M.V. Dyomina, who analyzes the conceptsphere of gender in British fairytale discourse [7]; A.P. Chudinov [8]; I.V. Palaeva [9]; A.A. Mundigaliev [10]; and other scholars looking at kinship terms from the points of view of cognitive, structural, and comparative-historical linguistics..

Universal, typical and semantic aspects of kinship and affinity terminology in the English and Russian languages comprise the subject of our study.

Study object includes nouns denoting kinship and affinity in English and Russian.

The objective of our work is to conduct linguocultural analysis and make a cognitive description of the kinship and affinity terminology range in Russian and English.

As follows from the objective stated, the goals of the work are:

1. Analyze the fundamentals of cognitive linguistics.
2. Review the characteristic features of kinship and affinity ranges in various languages and the existing approaches to the study of kinship terms.
3. Define the reasons for family and kinship relations evolution in England and Russia in 18-20 centuries.
4. Create a linguocultural model of «kinship» and «affinity» semantic fields structure in Russian and English.

Our research is based on the works on kinship terminology systems in various languages by Russian and foreign scientists in the fields of cognitive linguistics, cross-cultural communication, ethnology (A. Verzhbitskaya, S.G. Vorkachyov, A. Sepir, B. Warf, N.V. Krushevsky, I.A. Stermin).

Comparative-typological approach was used to define the place of Russian and English kinship terms systems among those in other languages. Component analyses method was applied to the study of present-day state of Russian and English kinship word bulk. Both comparative-historical method and receptive experiment were used to define the knowledgeability and the system of notions of the Russian youth in the field of kinship terms.

Study unit is defined as a text excerpt denoting or expressing one or several senses of the «kinship» and «affinity» concepts. The author's own findings provided additional material for the study, namely, 68 questionnaire forms reflecting Tomsk students' prowess in the sphere of kinship terms.

The first Chapter covers the fundamentals of cognitive linguistics with particular attention paid to the frame theory, which basics were laid out by C Charles J. Fillmore and M. Minsky. According to Minsky, a frame is data structure employed to represent a stereotype situation.

We make use of the frame structure in order to systematize lexical material and to develop a model of the conceptsphere «kinship and affinity». The following concept frame model is used based on the principle of diminishing semantic volume:

1. conceptsphere; 2. concept; 3. terminal; 4. slot; 5. subplot.

In this work, we employ M. Terpak's classification developed for the study of English conceptsphere «family» [6].

Elena Kosheleva, Ph.D. in History

National Research Tomsk Polytechnic University, Russia

KINSHIP AND AFFINITY' CONCEPTOSPHERE IN RUSSIAN AND ENGLISH

There is no doubt that comparative-contrastive analysis of affinity and kinship terms in Russian and English is relevant in today's scientific landscape. Learning a language intrinsically implies conceptualizing the world. It is only natural for a speaker to take for granted the topography of ideas charted in their native language words' meanings. Yet, when juxtaposed, the two languages views of the world turn out to be largely different and, what is more important, these differences shed light on the two people's mentalities.

The thesis focuses on comparative-contrastive analysis of affinity and kinship terms in Russian and English. These spheres are part of the oldest layer of the word bulk, connected with the development of the family and its forms, thus, their study allows us to define the more important notions of the ethnic group, it also visualizes social organization of the English and Russian peoples, and makes a step forward towards comprehensive lexical-semantic description of both languages.

Knowing typical national and linguistic character of idioms, proverbs, sayings and figures of speech and contrasting these concepts' characteristic features on Russian and English ethnic cultures allows us to model a set of priorities for the Russian and English language communities based on the semantic fields «kinship» and «affinity».

Kinship terms, although part of the general word bulk, make for a specific linguistic phenomenon and are defined by the language's inner development laws. In the Russian language, the first component analysis of kinship terminology was done by T.P. Lomtev. The component analysis shows that some of the Russian kinship terms have a significant range of meanings, namely «father», «mother», «son», «daughter», «brother», «sister». A.P. Chudinov [1] applies a new approach to the study of the word's lexical meaning through looking at the semantic components usually missed when analyzing the word's meaning out of the context – associative and personal semes.

In the realm of Slavic languages sociolinguistic approach to kinship terms analysis was championed by F.I. Buslaev [2] whose works demonstrated the role of Christian culture in kinship and affinity relations development in the Slavic peoples. Research conducted by D.A. Olderogge «On Some Aspects of Kinship Systems Study» [3] and «Kinship Systems Development: Main Features» [4] was a milestone for the study of kinship in social and ethno-cultural respect, summarizing observations for a large number of languages. N.A. Butinov's article «Community, Family, Clan» [5] also focuses on this field, as well as a number of other works.

The kinship terminology is the object of research for a number of scientists from Samara linguistic school, such as M.A. Terpak, who studies the English conceptosphere

науке»[1, 439]. Поэтому он ратует за такую монархию, в которой «не сын короля, а лучший после короля»[1, 440] наследует престол. Эту идею В. Алексис развивает, уподобляя королевский род дереву: если оно высохло или сгнило, то его не надо терпеть в саду только потому, что оно «давало нашему прадеду тень и плоды»[1, 440]. Отсюда закономерный вывод: «королевский родовой ствол может лишиться права на жизнь» и быть срубленным, и никогда нельзя заранее определить, в какое время наступит конец «права князей» и начало «права народа»[1, 441]. Господствующий род лишается короны, когда правители «в фанатическом упрямстве считают исполнение своей воли высшим законом»[1, 442] и остаются слепыми и глухими к советам изменить свой курс – «так свергли Стюартов, Вазов, Бурбонов»[1, 442]. С этой позиции становится понятным отношение автора к Июльской революции 1830 г., которую он определил как «справедливую и святую»[1, 443], и к французскому монарху, о котором сказал: «Я считаю, что преступник никогда не был осужден с большим правом, чем тогда, когда Бурбоны в лице Карла X были скинуты с их тысячелетнего трона»[1, 443]. Однако, признавая законность и правомочность свержения революционным путем погрязшего в грехах правителя, В. Алексис считает результаты французской революции 1830 г. в целом «злосчастными»[1, 444].

Неоднозначна позиция автора «Венских картин» и по отношению к государственному устройству Германии. Свои размышления о ней он предваряет реверансом перед правителями Австрии и Пруссии: «Я превозношу Германию как счастливую страну, потому что Габсбурги и Гогенцоллерны составляют со своими народами нечто другое, чем понятие, потому что их (князей и народы) связывает взаимная любовь»[1, 445]. Но этот прелюд не получит развития на последующих страницах «Политического кредо», заключительной главы «Венских картин» – напротив, там будет подчеркнута неустойчивость этой связи. Поэтому можно предположить, что медовые строки, посвященные правящим родам двух самых значительных немецких государств, являются данью австрийской и прусской цензуре. Это тем более вероятно, что общественно-политическое положение Пруссии начала 1830-х годов, как и в течение всего долгого правления Фридриха-Вильгельма III, было весьма незавидным и вызвало резкое осуждение и критику В. Алексиса: «Я ненавижу стремление задушить органы образования и ограничить школы, стремление подавить прессу, стремление не опровергать народных ораторов, а закрывать им рты нередко раньше, чем ни их откроют, и я ненавижу систему, которая выдает за гражданскую добродетель пассивное послушание»[1, 447]. По мнению писателя, королевский род совершенно напрасно видит угрозу себе в деятельности либеральных публицистов, в пропаганде и свободной печати. Он сомневается в разумности правительства Фридриха-Вильгельма III, когда читает «списки запрещенных книг»[1, 449] и слышит о «цензурных насилиях» [1, 445], когда понимает, «что официальные газета должны сказать о фактах и что умолчать»[1, 449]. В. Алексис перечисляет и другие приметы дня: на театральных сценах «запреща-

ют пьесы, изображающие князей и власть в неблагоприятном свете»[1, 451], «за студенческие волнения наказывают университеты»[1, 452], избранные народные делегаты отмалчиваются, «строгих роялистов преследуют, потому что они говорят как раз то, что хотят». Вывод из этого неутешителен: «Мной овладевает сомнение, стоит ли королевская власть в Европе действительно так крепко, как я верил и надеялся»[1, 452]. Но он все-таки продолжает упорствовать в своем монархизме: «я остаюсь роялистом»[1, 452]. Он ждет верит прихода на немецкую землю «лучших времен»[1, 452], в которые будут «реализованы либеральные идеи о всеобщем равенстве, свободе и усовершенствованы буржуазные учреждения»[1, 447]. Наступление этих «лучших времен» в Германии он не связывает с революцией, так как, по его глубокому убеждению, немцы никогда не будут решать проблемы демократизации своего государства «насильственным образом, с помощью восстания»[1, 447].

Другое дело, что критика существующих порядков необходима и должна сочетаться с четким представлением о том, как их исправить. И в своей рецензии на «Письма из Парижа» Л. Берне В. Алексис подчеркнул, что обязательно нужна положительная программа[2, 138]. Его собственная положительная программа основывалась на вере в победу либеральных идей, благодаря «силе убеждения» [1, 447] и нравственному самоусовершенствованию людей. Эта политическая философия примет свое законченное выражение в восьмичастном цикле «Vaterlaendische Romane» (1832–1856).

Литература:

1. Alexis W. Wiener Bilder. Leipzig, 1833.
2. Beutin W. Koenigtum und Adel in den historischen Romanen von W. Alexis. Berlin, 1966.

Филоненко Н.Ю.

Липецкий эколого-гуманитарный институт, Россия

ТЕМА ЗЛА В ПОЭМАХ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН» И С.Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО «ЛЕСНАЯ ТОПЬ»

Для Сергеева-Ценского одним из «любимых» имен всегда было имя М.Ю. Лермонтова, кроме того, их объединяли схожие трагические мироощущения и жизненные обстоятельства. Жизнь С.Н. Сергеева-Ценского складывалась даже более трагично, нежели Лермонтова. Он не просто в ранней юности потерял всю свою семью, но и вынужден был уйти из дома, покинуть родные края и многие годы скитаться на чужбине. Кроме того, он был одинок – у него не было детей, хотя судьба достаточно поздно, но все же подарила ему женщину, кото-

силу объективной необратимости этого процесса, если, конечно, глобальная медийной сфера не видит себя в роли могильщика человеческого сообщества.

Литература

1. Философия и методология науки : учеб. пособие для аспирантов / А.И.Зеленков, Н.К.Кисель, В.Т.Новиков [и др.] ; под ред. А.И.Зеленкова. – Минск : АСАР, 2007. – 384 с.
2. Левашов, В.К. Социально-политическая устойчивость общества / В.К.Левашов // [Электронный ресурс]. – 2011. – URL: http://www.isprgras.ru/pics/File/tochka_zrenia/Levashov_Stability.pdf
3. Комарова, Ж. Роль СМИ в инноватике / Ж.Комарова // [Электронный ресурс]. – 2006. – URL: http://iee.org.ua/files/alushta/78-komarova-rol_smi_v_innov.pdf
4. Гуменский, А. Управление международной информацией / А.Гуменский // [Электронный ресурс]. – 2010. – URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-second/004.htm>
5. Принцип устойчивого развития [Электронный ресурс]. – 1987. – URL: <http://www.ecovartech.com/pobisk/page14.htm>
6. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2000. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
7. Оценка результатов Встречи на высшем уровне в Йоханнесбурге: что нового она принесла [Электронный ресурс]. – 2002. – URL: <http://www.un.org/russian/conferen/wssd/story.htm>
8. Философия и идеология жизнедеятельности Беларуси: теоретические основы антикризисной модели и механизмы ее реализации / П.Г.Никитенко [и др.] // Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск: Беларус. навука, 2009. – 621с.
9. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – 2004. – URL: http://un.by/pdf/OON_sMall_Rus.pdf.
10. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – URL: <http://www.mod.mil.by/koncept.html>
11. Утверждена Программа социально-экономического развития РБ на 2011-2015 годы [Электронный ресурс]. – 2011. – URL: <http://upack.by/novosti/1257.html>
12. Дубовик, С. Важнейшая составляющая государственности / С.Дубовик // Журналистыка–2011: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 13-й Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 90-годдзю БДУ, 8–9 сн. 2011 г., Мінск / рэдкал.: С.В.Дубовік (адк.рэд.) [і інш.]. – Вып. 13. – Мінск : БДУ, 2011. – С. 16–19.
13. Вартанова, Е. Завтрашнее общество – это общество, в котором люди будут учиться на протяжении всей жизни, и СМИ, реализуя принцип социальной ответственности в современных условиях, необходимо думать об этом уже сегодня / Е.Вартанова // Медиаатренды. – 2010. – № 5. – 16 апр.

ронного научно-технического сотрудничества и обмена научно-технической информацией в области охраны окружающей среды; привлечение общественности, неправительственных организаций, **средств массовой информации**, национального и зарубежного бизнеса к осуществлению международного сотрудничества в сфере охраны окружающей среды.

В утвержденной 11 апреля 2011 года Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011-2015 годы обозначен комплексный подход к решению проблемы устойчивого развития страны[11]. Подход, при котором инновационное развитие белорусской экономики должно сопровождаться не ухудшением, а улучшением состояния окружающей среды. И есть все основания полагать, что намеченная экологизация экономики Беларуси, основанная на глубокой инновационности, станет важным звеном устойчивого развития белорусского государства в текущей пятилетке.

Ключевым в этом смысле представляется **формирование экологической культуры населения через систему образования**, так как на бытовом уровне экологические приоритеты еще далеко не всегда являются главенствующими, что является очевидным свидетельством тенденции снижения экологической культуры и среди тех, кто принимает решения, и среди тех, кто их выполняет. Большой вопрос эта тенденция ставит перед современной белорусской прессой, острейшей профессиональной проблемой которой стало существенное снижение в материалах газет аналитической составляющей. И не только в публикациях по экологической тематике. Этот дефицит серьезной аналитики значительно осложняет процесс информационного обеспечения и формирования экологической культуры у населения, а также снижает эффективность реализации тех же государственных программ, где говорится о необходимости реализации концепции устойчивого развития. Концепции, которая «не только с учетом задач социоэкономической динамики, но и с неизменным сохранением благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала планеты, по праву претендует сегодня на статус реальной, конструктивной альтернативы техногенным стратегиям развития»[1, с.205].

Проблема здесь видится «в неадекватности ответа наших профессионалов в СМИ на новые требования времени, на потребность общества не просто в журналистах, которые говорят и пишут о том, что видят и как понимают увиденное, а в журналистах-аналитиках, способных не просто выявить и осветить, а глубоко и грамотно проанализировать событие, эффективно преподнести, оценить результат»[12, с.18]. Иными словами, трудности с разъяснением и реализацией идей концепции устойчивого развития в современном обществе связаны с тем, что пропагандировать их надо, опираясь на серьезное теоретическое знание проблемы, которого чаще всего и не хватает журналистам. А ведь «сегодня для большинства читателей и зрителей именно СМИ остаются главным источником теоретического знания на протяжении жизни»[13]. Надо полагать, что значение журналистики и масс-медиа в продвижении идей концепции устойчивого развития уже в ближайшей перспективе будет только возрастать в

рая стала его верным другом на всю оставшуюся жизнь и разделила с ним все трагические обстоятельства нового, «советского» бытия. Юность же и того, и другого автора была омрачена одиночеством и духовными скитаниями. Возможно, в этом кроется одна из причин трагической ауры их произведений, их интерес к теме зла, например, в поэмах «Демон» (Лермонтов) и «Лесная топь» (Сергеев-Ценский).

Если сюжетная основа поэмы «Демон» – обладание душой Тамары, то сюжетная основа «Лесной топи» – это история души героини, уже опутанной дьявольскими силами. У Лермонтова с попытками демона завоевать душу Тамары связано развитие сюжета, у Сергеева-Ценского злые силы завоевали душу Антонины уже в начале сюжета.

Антонина изначально отвергает божественную природную красоту. Мрачность, таинственность пейзажа – это отголоски «заблудившейся» души героини, хотя прямо, как в том же «Демоне», об этом и не говорится. Отношения с Богом в «Лесной топи» тоже поданы как некий «результат», следствие того, что случилось. Так, у Антонины отсутствует почитание нравственного и религиозного долга. Господство над Антониной демонических сил обнаруживается не только в совершенном ею преступлении, но и в последующем равнодушии к тому, что она сделала. Душа Антонины после совершенного злодеяния не поглощена горем или раскаянием, а, напротив, пытается сопротивляться. Отсюда ее дальнейшие жизненные драматические метания по замкнутому пространству с трагическим нарастанием разрыва: она как бы вырывается из обычного жизненного уклада, бросает дом, разрывает окончательно связь со своим родом, утрачивает интерес к земной жизни вообще, в сущности, не представляя, что именно она хочет.

Героиней движет ложная духовность, ложные представления о пути человека. Она выбирает не любовь, терпение, покаяние, не путь к храму, а совершает еще больший грех – отдает себя также фактически поглощенному демоническими силами Зайцеву. Даже «исповедаюсь» ему, она не раскаивается, а старается оправдать себя. Трагедия героини – прежде всего в необратимости духовно-нравственной катастрофы.

И если лермонтовская Тамара удаляется в обитель, что ее и спасает в конечном итоге, то Антонина совершает противоположный поступок – фактически разрушает дом и бросает семью. Если для Тамары уход в обитель – очередной этап борьбы с лукавым, то у Антонины осуществляется путь мнимого очищения (встречи с Зайцевым и Бердоносковым).

Сам монастырь в лермонтовской поэме является местом гармоничного единения Бога, человека и природы, а в поэме Сергеева-Ценского такого места нет. Идя вслед за Лермонтовым («Нет сил дышать, туман в очах, объятья жадно ищут встречи, лобзания тают на устах...») – это о Тамаре), Сергеев-Ценский подвергает свою героиню блудным искушениям. Но если у Лермонтова ведется борьба за душу героини, то у Сергеева-Ценского герои сходятся просто, «как звери».

Весь земной путь Тамары ее сопровождает ангел-хранитель. У Антонины его нет, она изначально не сопротивляется злым силам. Важно обратить внимание на то, что Лермонтов подчеркивает тайное согласие человека с миром природы, Антонина же находится в постоянном подчеркнутом окружении злых природных сил. И та, и другая героиня наделены природной красотой и грацией. Однако Тамара свободна от гордыни, в ней очевидна детская непосредственность, трудолюбие, простота, жажда жизни. Таких качеств Антонина лишена абсолютно.

Тамара нерасторжимо связана со своим родом (чего не скажешь о героине Сергеева-Ценского). Она пребывает в гармонии с Богом, с окружающим миром и со своим родом. Этого никак нельзя сказать об Антонине, с кем бы ни сводила ее судьба после ухода из дома, она нигде не задерживалась, ничью судьбу не сумела скрасить своим присутствием, никому не принесла счастье. В финале поэмы «Демон» Лермонтов так характеризует свою героиню:

Её душа была из тех,
Которых жизнь – одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недостижимых утех [1, с. 538].

Подобных характеристик не заслужила героиня «Лесной топи». Утех она не чуждалась, а считала нормальным состояние в жизни, невыносимые мучения были ею сознательно отвергнуты. Поэтому душу Тамары уносит добрый ангел, поднимая на небо, а Антонину забирает к себе трясина.

Сближает героинь их некая богооставленность. Однако Лермонтов отдает героиню во власть демона для отображения процесса противостояния злему духу. А Сергееву-Ценскому в начале XX века необходимо было осмыслить поведение личности, фактически добровольно принимающих власть над собой демонических сил. Но и в первом, и во втором случае в произведениях мы наблюдаем реально существующего духа зла, желающего овладеть человеческой душой, калечащего ее.

В «Лесной топи», как и в «Демоне», постоянно ощущается присутствие некой сверхъестественной силы, некоего мистического подтекста совершающихся событий. Вслед за Лермонтовым, Гоголем Сергеев-Ценский изображает нечистого духа не мифологическим, а действительным персонажем человеческой жизни, участвующим в ней скрытым, невидимым способом. Демон Лермонтова, как известно, нигде не находит себе пристанища. Не находят покоя и герои «Лесной топи», не только Антонина, но и Зайцев, которого она доводит до самоубийства, а также Фрол, встречающийся на трагическом жизненном пути героини.

При всех сближениях и различиях в художественном воплощении идей в рассмотренных двух произведениях следует отметить, что авторы по сути приходят к схожему основополагающему выводу: демоническая личность, закрепощенная в своей гордыне, обречена на гибель. Лермонтов, в отличие от Сергеева-Ценского, «спас» свою героиню, у него зло имеет только видимый и не абсолютный характер. Он преодолевает безысходность взгляда на челове-

речь идет о глобальных переменах в окружающей природной среде, связанных с изменением климата, разрушением озонового слоя, сокращением биоразнообразия, трансграничным переносом загрязняющих веществ на территорию Беларуси воздушными и водными потоками, размещением вблизи границ страны крупных экологически опасных объектов, захоронением ядерных отходов на сопредельных территориях.

Нейтрализации всех этих угроз призваны способствовать: обеспечение экономического роста в пределах хозяйственной емкости биосферы и улучшение экологической ситуации в Республике Беларусь на основе внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий, современных систем защиты экологически опасных объектов, разработки и внедрения безопасных технологий, возобновляемых источников энергии; продолжение комплексной реабилитации и возрождение пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС территорий Беларуси; неукоснительное соблюдение всех международных правил и норм в области радиационной, промышленной и экологической безопасности при строительстве и эксплуатации национальной АЭС; совершенствование государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций с целью обеспечения эффективной защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; развитие национальной системы мониторинга окружающей среды, формирование рынка экологических услуг, внедрение экологического аудита и страхования, эффективной нормативной правовой базы экологической безопасности, включая систему платежей за пользование природными ресурсами и адекватную компенсацию ущерба, причиненного природной среде; развитие международного сотрудничества в области охраны окружающей среды и правового разрешения экологических проблем транснационального характера, повышение достоверности оценок и прогнозов состояния природной среды, изменений климата, опасных погодных и климатических явлений, адаптация секторов экономики к изменениям окружающей среды, сокращение выбросов в атмосферу парниковых газов [10].

Исходя из заинтересованности Республики Беларусь в формировании, развитии и эффективном использовании возможностей международного сотрудничества в сфере охраны окружающей среды и устойчивого развития, обусловленного опасностью нарастающего глобального экологического кризиса, можно обозначить такие приоритеты белорусской стороны в этой области, как: участие в деятельности международных организаций системы ООН и других всемирных объединений, СНГ и других региональных объединений по природоохранной тематике; привлечение возможностей международных финансовых институтов, международного опыта, политической и технической поддержки международных экологических организаций; содействие созданию структур природоохранного сотрудничества Республики Беларусь с Евросоюзом и другими международными организациями европейского континента; разработка межгосударственных программ научного сотрудничества в сфере охраны окружающей среды; развитие двусто-

Как видим, главное в обеспечении устойчивого развития зависит от ценностных ориентаций людей и общества и их отношения к природе, обществу и человеку. В этом плане идея устойчивого развития должна изменить и картину общества, и образ человека. На смену антропогенезу – представлению о человеке как о венце эволюции, который привел в итоге к потребительскому вектору развития цивилизации, должен придти биоантропоцентризм, в котором человек рассматривается не как властелин природы, а как существо, стремящееся к социальной гармонии с природой и обществом. Ведь именно биоантропоцентрическая картина человека положена в основу ноосферного, основанного на разуме, развития человеческой цивилизации.

С учетом специфики, системных характеристик, условий и возможностей в числе целей устойчивого развития Республики Беларусь на современном этапе определены: обеспечение экономического роста; повышение качества жизни; введение рациональных форм природопользования; нейтрализация последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС; формирование ноосферного мировоззрения и мышления, экологическое образование и воспитание; активизация деятельности общественности по сохранению пригодной для обитания среды; совершенствование международного сотрудничества по проблемам устойчивого развития. А важнейшие условия обеспечения устойчивого развития – становление ноосферной социально-экономической парадигмы и формирование на ее основе инновационной системы экономики и общества. На деле это означает формирование сильного, эффективного правового государства, обеспечивающего гражданам условия и поддержку крупномасштабных мер по достижению долгосрочных ориентиров социально-экономического развития, постепенный переход к постиндустриальному обществу с экологически чистым производством, развитие демократии и гражданского общества, социального партнерства между государством и общественными организациями, системой формирования всесторонне гармонично развитого и духовно богатого человека, восприимчивого к научно-техническим нововведениям, развитие социально ориентированного рыночного хозяйства.

Достижение этих целей и решение названных задач, по мнению белорусских исследователей, позволит свести к минимуму фактор угроз для экологической безопасности, к которым внутри Беларуси относят высокую концентрацию на территории республики экологически опасных объектов, их размещение вблизи жилых зон и систем жизнеобеспечения; радиоактивное загрязнение среды обитания вследствие аварии на Чернобыльской АЭС; образование больших объемов отходов производства и потребления при низкой степени их вторичного использования и высокотехнологичной переработки, повышенные уровни выбросов и сбросов загрязняющих веществ; недостаточное развитие правовых и экономических механизмов обеспечения экологической безопасности, систем учета природных ресурсов, мониторинга чрезвычайных ситуаций и качества окружающей среды. Что касается внешних угроз экологической сфере, то здесь

скую судьбу так же, как и преодолевает эту безысходность Сергеев-Ценский в дальнейшем периоде своей жизни. И Лермонтов, и Сергеев-Ценский остро ощущали присутствие зла в мире. Но писатель, вступивший в трагический XX век, становится реальным свидетелем воплощения того тотального зла, о котором Лермонтов мог только догадываться.

Литература:

1. Лермонтов, М.Ю. Собрание сочинений в 4 т. – М., Л.: Издательство АН СССР, Т.2. – 704 с.

СЕРГИЕНКО И.В.

В. НАБОКОВ О РЕАЛИЗМЕ У. ФОЛКНЕРА

Известный на весь мир писатель Владимир Набоков, был также известным публицистом и исследователем литературы. Он много читал, стараясь не упустить ни малейшей детали. Хорошую литературу он хвалил, плохую – критиковал не стесняясь. Но получить одобрение мэтра русско-американской литературы было не так просто: мало кто из современных ему писателей получил расположение и высокую оценку автора «Лолиты».

Знаменитая фраза В. Набокова, о том, что «за одно поколение редко появляется более двух или трех действительно первоклассных писателей» [3, с. 45], никак не относилась к творчеству таких авторов, как например Э. Хемингуэй или У. Фолкнер. И если о некоторых рассказах Хемингуэя Набоков все же отзывался крайне высоко, например, о повести «Убийцы» (1927), то У. Фолкнера Набоков отвергал «за библейское урчание в животе» [7, с. 1].

Уильям Фолкнер (1897-1962), писатель-модернист той же генерации, что и Э. Хемингуэй, пишущий в тех же жанрах; как и Хемингуэй, лауреат Пулитцеровских и Нобелевской (1949) премий, практически одновременно с Хемингуэем ушедший из жизни. В остальном, он являлся едва ли не полной его противоположностью. И если творчество Хемингуэя основано на фактах его биографии и неотделимо от его времени (20-50-е годы XX века), то проза У. Фолкнера лежит вне конкретных событий его жизни и вне времени, даже если автор точно указывает дату того или иного события. При этом из двух современников одного Набоков признавал, второго категорически не принимал. Казалось бы, действительно, о Хемингуэе автор «Лолиты» отзывается как о «оригинально пишущем» [3, с. 65], а о Фолкнере, как о писателе, творчество которого для него ничего не значит [7, с. 1].

Тем не менее, творчество В. Набокова неким образом переплетается с творчеством Фолкнера. В рассказе «Волшебник» (1939) ясно слышны отголоски три-

логии Фолкнера «Деревушка» (1940). В послесловии к американскому изданию «Лолиты» (1958) Набоков рассказал о «прототипе» своего романа – рассказе «Волшебник». Этот рассказ был написан в октябре-ноябре 1939 г. в Париже. «Вещицей я был недоволен и уничтожил её после переезда в Америку, в 1940 году», – сообщил Набоков [1, с. 1]. Но один из экземпляров рассказа «Волшебник» каким-то образом сохранился и был напечатан в 1991 г. в альманахе «Russian Literature Triquarterly». Это была первая русскоязычная публикация. Исследователь Александр Пиперский указал на первую книгу трилогии Уильяма Фолкнера «Деревушка», где частично содержится сюжет «Волшебника» [1, с. 1]. При том, что Набоков о Фолкнере отзывался сугубо отрицательно: «Не выношу региональную литературу с её искусственным фольклором» [4, с. 74].

Когда в 1940 г. Набоков приехал в США, Уильям Фолкнер уже считался видным мастером новой американской прозы. «Но поскольку сюжет рассказа Набокова «Волшебник» аналогичен сюжету, описанному Фолкнером, русский эмигрант, имя которого в Америке не было никому известно, благоразумно отказался публиковать свой рассказ», – пишет известный исследователь творчества Набокова И. Галинская. Поэтому рассказ «Волшебник» увидел свет лишь после смерти писателя. В нем уже были разработаны сюжет и тончайшая паутина эротических переживаний, способствовавшие скандальной славе набоковского романа. Набоков же до конца жизни уверял, что он не был рассказом доволен [1, с. 1]. Некоторые схожие эпизоды есть в романе «Дар» Набокова, но они никаким образом не проецируются на Фолкнера.

При всем том, что схожесть в сюжете и некоторая схожесть в манере описаний у двух писателей определённо присутствует, Набоков считал Фолкнера «фольклорным писателем», а его творения называл «кукурузными хрониками» [3, с. 47] по причине реалистичного описания. «Определенно, Набоков, не признающий банальности, которых у Фолкнера в избытке, считал трилогию не чем иным, как «хрониками кукурузоводов», – пишет исследователь Ж. Нива [7, с. 1]. Радость «созревающих початков» [6, с. 49] была чужда мэтру, который призывал авторов уйти от «наскучивших описаний» и перейти напрямую к «вниманию к деталям в своих творениях» [6, с. 49].

За это Фолкнера он критиковал, порой весьма беспощадно, не стесняясь в высказываниях: «Если значительная часть американской литературы состоит из толстых романов типа «Южной глубинки», набитых под завязку инцестами, насилиями, убийствами и фермерами алкашами, то это уж точно вина Фолкнера», – писал Набоков [7, с. 1].

Довольно часто многие журналисты интересовались у мэтра, отчего же он не признает тех, кого уже давно признало всё американское общество. На этот вопрос автор «Лолиты» отвечал: «Меня изумляют и смешат сфабрикованные понятия о так называемых «великих книгах». Как кукурузные хроники Фолкнера могут называться «шедеврами» или, по определению журналистов, «великими книгами», я не понимаю» [3, с. 47].

темпы и динамику, что ставит под угрозу существование самой планеты Земля. Поэтому сегодня так важно внести научный аспект в изучение перехода биосферы в ноосферу, а также в развитие всей системы социально-экономических отношений. Вот почему сейчас особенно актуален динамичный рост роли инновационного интеллекта и человеческого разума.

Значимость проблемы устойчивого развития диктуется в современных условиях прежде всего обострением целого ряда глобальных проблем, свидетельствующих о том, что продолжать традиционное развитие и дальше человечеству уже невозможно. В материалах ООН отмечается: «Правы те, кто говорит о концепции устойчивого развития как о новой социально-экономической парадигме по отношению человека к природе. При этом следует учитывать, что в период стремительного процесса глобализации научно-технического прогресса все очевиднее проявляются своеобразный консерватизм, а порой и регресс гуманистическо-духовной культуры. Возможно, и поэтому концепция устойчивого развития сегодня обращает на себя внимание как единственно позитивный сценарий развития человечества».

Заметим, что сформулированное четверть века назад понятие устойчивого развития положено и в основу Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2020 года [9], которая включает все экономические и внеэкономические факторы в их взаимосвязи и предполагает такие направления, как: синтез общемировых, цивилизованных приоритетов на основе ноосферной социальной парадигмы, где важнейшее место занимает формирование эффективной инновационной системы «природа-человек-общество»; высокая роль планетарных экологических компонент в сочетании с геополитическими, историческими, культурологическими, ментальными особенностями Республики Беларусь; предпочтение социально ориентированной рыночной экономики с оптимальным уровнем государственного управления; создание сильного негосударственного сектора экономики, опирающегося на смешанные формы собственности; повышение социальной и экономико-экологической эффективности государственного сектора экономики; развитие экономической демократии на уровне предприятия; учет региональных особенностей в Республике Беларусь; обеспечение постепенного перехода к постиндустриальному ноосферному обществу на основе реализации научных нововведений и новых высокоэффективных технологий; повышение благосостояния народа до уровня, обеспечивающего достойное качество жизни, и формирование целостного социально и духовно развитого человека – творческого и деятельного, инициативного и предприимчивого; максимальное использование человеческого и информационно-образовательного ресурса Республики Беларусь, который включает высокий уровень национального образования, развития науки, профессиональный уровень кадров; создание эффективного государства устойчивого развития, максимально использующего социальный потенциал.

и миру (Пекин, 1995 год); Конференция ООН по поселениям человека – «Хабитат-II» (Стамбул, 1996 год); 19-я специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН – «Рио+5» (Нью-Йорк, 1997); Международная конференция по финансированию развития (Доха, 2000 год). В ходе работы 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН – «Ассамблеи тысячелетия» (Нью-Йорк, 2000 год) – была принята «Декларация тысячелетия ООН», в которой также нашли свое отражение основные принципы обеспечения устойчивого развития человечества [6]. А оценка достижений, изменений и новых проблем, возникших за прошедшее десятилетие, прозвучала в рамках Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию в Йоханнесбурге в 2002 году [7].

Суть сделанных выводов сводилась к тому, что технократическая цивилизация вплотную подошла к той черте, когда практически перед каждой страной встала проблема создания эффективных социальных механизмов и технологий, способных радикально изменить скомпрометировавшие себя стратегии количественного роста. Речь идет о том, чтобы движение мировой цивилизации стало более динамичным, интенсивным и разнообразным. Устойчивое развитие человечества должно быть: сбалансированным, учитывающим не только ресурсные параметры, материально-технические и экономические факторы роста, но и социально-политические, ценностно-мировоззренческие составляющие социальной динамики; ориентированным на коэволюционное развитие отношений человечества с природным миром Земли и ее космическим окружением, на научные знания о закономерностях функционирования и эволюции биосферы, на комплексное решение глобальной экологической проблемы; предполагающим создание условий для справедливого распределения мирового ресурсного потенциала между процветающим Севером и бедным Югом, для преодоления разрывов в уровнях дохода между различными слоями населения и повышения качества жизни, для удовлетворения основных потребностей населения развивающихся стран за счет внедрения новых постиндустриальных технологий, финансируемых благодаря рациональному потреблению и оптимизации развития богатых стран Запада [8, с.204-205].

Иными словами, говоря о сути «устойчивого развития», следует понимать, что, во-первых, этой категорией выражают необходимость сохранения природы для будущих поколений. Во-вторых, понимание устойчивого развития невозможно без усвоения сути приоритетности совершенствования национального интеллектуального потенциала. Здесь уместно заметить, что идея ноосферизации в Беларуси отвечает насущной потребности современного мира в формировании и реализации высоких общественно-политических идеалов, отвечающих принципам этики, гуманизма и ноосферного использования. В-третьих, устойчивое развитие предполагает выбор инновационной парадигмы совершенствования всех отношений: экологических, политических, социальных, экономических. Суть ее заключается в изменении понимания новой сферы разума, культуры, духовности в природоохранной деятельности. Ведь мировое развитие имеет такие индустриальные

Оригинальность прозы Фолкнера состоит в том, что он нашёл свою уникальную тему – современность американского Юга. Фолкнеровская Йокнапатофа – это свыше семидесяти новелл, в основном объединенных в циклы («Сойди, Моисей!», «Непобежденные», и т.д.), и семнадцать романов: «Свет в августе» (1932), «Реквием по монахине» (1951) и другие, в том числе трилогия «Деревушка» (1940), «Город» (1957), «Особняк» (1960), действие которых разворачивается в вымышленном округе Йокнапатофа на Юге США. Все персонажи здесь переходят из произведения в произведение. Автором представлена модель провинции, за которой проглядывает некая глобальная мифологическая модель жизни вообще.

Набоков, высоко ценивший обращение писателей к деталям, неоднократно упоминал об обращении Фолкнера к мифологическим представлениям, даже определенным Библейским мотивам. «Она [мифология] завораживает нас, гипнотизирует нас, как те хитроумные картины, которые можно разглядывать только с определенного расстояния, иначе увидишь всего лишь беспорядочную комбинацию цветочных пятен», – писал Набоков [6, с. 68]. При этом, нельзя не отметить, что произведения Фолкнера в своем большинстве («Шум и ярость», «Деревушка» и др.) очень трудны для восприятия читателем. «Автор демонстрирует такую изощренную манеру письма, которая, порой, граничит с чудом», – объясняет пристрастие Фолкнера к хитросплетениям сюжетных линий Р. Отто [8, с. 54].

Мифологичность произведений Фолкнера наиболее ярко проявляется в романе «Шум и ярость» (1929). Здесь она отражена через образ блаженного Бенджи, воплощающего антично-мифологические представления о действительности. Прием повествования от лица «идиота», человека не от мира сего, позволяет автору использовать первобытное сознание, сродни детскому, когда человек не осознает причинно-следственной связи событий. В религиозной традиции «идиот» – блаженный, лицо, приближенное к Богу, не признающее мирских благ [8, с. 34]. Вызывает философский интерес использование в литературе образа «идиота», в античном понимании как человека, живущего в своем мире. Парадигма отношения к странному, непонятному человеку изменилась при переходе от мифологического сознания к рациональному. Такой тип сознания стал рассматривать странного, отличного от других человека как больного, которого необходимо лечить. Причем «больной» должен и сам осознавать необходимость лечения, в противном случае он должен подвергнуться насильственному лечению [8, с. 34-35].

События в пересказе такого персонажа – возможность раскрыть события непредвзято, будто это происходит в первые дни творения, и сами события приобретают эпическое звучание. Так, в романе У. Фолкнера первая часть романа рассказана от лица Бенджи, странного взрослого, в символическом возрасте 33 лет, взрослого физически, но с душой и сознанием ребенка. «Наивные и простые пояснения, которые дает Бенджи событиям своего рассказа, сопряжены с прямоотой сознания, не ведающего стыда грехопадения», – писал Набо-

ков [6, с. 27]. Эмоциональное, чувственное постижение мира блаженным Бенджи – точный и яркий пример «работы» дологического сознания, живущего в окружении людей, обладающих рациональным сознанием. Набоков крайне негативно отзывался о писателях, чьи произведения не были построены на некой загадке или интриге, без деталей и уточнений. В романе Фолкнера весьма много «банальностей», зато присутствует тема мифа и мифологических верований, что очень любил в литературе Набоков. Соотнося текст произведения Фолкнера с философскими учениями Гуссерля о знаках и архетипах К.-Г. Юнга, можно сделать вывод, что «мифологическое и античное начало пронизывает роман Фолкнера» [2, с. 89]. Тема архетипов возникает в рассказе Бенджи на основе событий, произошедших с его сестрой Кэдди, которая в глазах общества «стала на путь порока» [10, с. 78]. Здесь возможный инцест между героями выступает некой мифологемой. Само слово инцест в переводе с латыни обозначает неблагопристойный. Это брак или эротическая связь ближайших кровных родственников или – в расширительном смысле – всякий интимный союз людей слишком близких, в повседневной практике нарушающий нормы экзогамии. Инцест представлен в мифологии разнообразными сюжетами, различающимися по характеру родственных отношений (инцест родителей и детей, брата и сестры) и по ситуации. Во времени мифическом совершаются межродственные браки, которые не являются нарушением норм: это, прежде всего – браки первопредков, представляющих собой единственную пару на земле, так что происхождение богов или людей зависит от их по необходимости кровосмесительного союза – сакрального инцеста. Эта ситуация непроступного инцеста соответствует снятию брачных и иных запретов в наиболее важных ритуалах, и с ней как с прецедентом связаны инцестные браки в различных царских традициях. Наиболее характерный тип инцестного сюжета в развитых мифологиях связан с отношением к инцесту как к преступлению, со стремлением избежать его и все-таки совершением инцеста, чаще всего по неведению. Это подразумевает наличие в сюжете сложной системы обоснований случившегося. Как всякое нарушение табу, инцест обладает определенной амбивалентностью: герой, совершивший инцест, может эволюционировать к крайним степеням добра и зла [10, с. 102].

Это основная сюжетная линия романа становится поистине эпической. С помощью образа Бенджи Фолкнер создает картину мира человека, не знающего пространственно-временных связей. Главной для героя становится только одна цель – остановить время. Как ни парадоксально, Бенджи религиозен вне конкретной конфессии. Его чувственное сознание, не привязанное логически к определенной религиозной доктрине, воплощает в себе христианскую доктрину о смерти и воскрешении Христа. «В сознании героя перемешиваются евангельские и древнегреческие мифы, и никаким он не отдает предпочтения», – пишет Набоков [6, с. 67]. Тот самый «ужас» окружающего мира в представлении Бенджи выражает мифологическую составляющую современного религиозного сознания. Сознание блаженного определяется первой частью фразы – «он

дальнейшего развития техногенной цивилизации и с попытками преодоления тех социально-экологических аномалий, которые она инициировала и породила на предшествующих этапах своего формирования и развертывания» [1, с. 202]. При этом «противостояние новых и старых идей, нового и старого способов жизнеустройства цивилизации проявляются как на национальном, так и на глобальном уровнях» [2]. И фактом является то, что в последние годы поиски мировым сообществом путей перехода к действительно устойчивому развитию серьезно замедлились.

Причин тому называют несколько. В их числе – глобальный экономический и финансовый кризис, политические разногласия представителей разных локальных цивилизаций. Свою долю неопределенности в перспективе реализации концепции устойчивого развития вносит и современное состояние глобальной медиасферы, которая, обладая огромным потенциалом задавать тон важнейшим общемировым политическим тенденциям, пока еще не смогла в должной мере обеспечить эффективное взаимодействие региональных, национальных и локальных информационных потоков, формирующих единую глобальную сеть масс-медиа, по продвижению идей данной концепции в сознание каждого человека. Ведь именно «масс-медиа призваны способствовать просвещению общества и вооружать людей адекватным пониманием происходящего» [3]. Но пока средства массовой информации, используя включенность людей в глобальное информационное общество, явно «манипулируют повесткой дня, отвлекают человека от одних проблем и, переключая на другие, представляют одни вопросы менее значительными и достойными обсуждения, чем другие – «действительно важные»» [4]. Думается, что подобная технология манипулирования массовым сознанием со стороны глобальных медиа и является одной из основных причин того, что концепция устойчивого развития, несмотря на весь заложенный в нее созидательный потенциал, до сих пор еще не стала доминирующей идеей развития человеческого сообщества в эпоху глобализации.

Сформулированный в 1987 году в резолюции 42-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН основной принцип устойчивого развития человечества гласит: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [5]. Четкую практическую направленность эта теоретическая концепция получила в 1992 году на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, что подчеркивало ее первоочередную экологическую направленность и очевидный приоритет решения проблем охраны окружающей среды на планетарном уровне.

В последующие годы под эгидой ООН прошел целый ряд конференций по проблемам мирового развития: Всемирная конференция по правам человека (Вена, 1993 год); Международная конференция по социальному развитию (Копенгаген, 1993 год); Международная конференция по народонаселению и развитию (Каир, 1994 год); Конференция ООН по равноправию женщин, развитию

(19) – *Пожалуй, это было самое лучшее время, университетская скамья позади, жизнь впереди* («Продавец газет». Проза. Ру, 2007).

Данное выражение было также выделено в значении «учеба в университете», как, например, в (18) и (19):

(20) *На дискотеки он уже давно как не ходит, университетская скамья – пройденный этап. В общем возможности знакомств катастрофически ничтожны* (Веб-журнал «Мы и заграница», 2007).

(21) – *В отличие от студентов, для которых университетская скамья была делом решенным, то есть, образно говоря, родители мысленно записывали их в университет, как дворянского сына в полк, – она никогда не могла привыкнуть* (Звезда – онлайн, №4, 2007).

Таким образом, в русской языковой картине мира сложился следующий образ университета:

Университет – высшее учебное заведение, имеющее как положительные, так и отрицательные черты. Положительным является то, что университеты дают не только знания, но и умения применять эти знания и принимать сложные решения в сложившихся ситуациях, а также умение креативного мышления.

Литература:

1. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты: Монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.

Залесский Борис Леонидович

Белорусский государственный университет

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И МАСС-МЕДИА

4–6 июня 2012 года в Бразилии состоится Всемирная конференция Рио+20, на которой политические лидеры большинства государств планеты в очередной раз попытаются согласовать свои взгляды на цели и возможности будущего развития мирового сообщества. Актуальность этой темы для каждого жителя Земли не вызывает сомнений, так как в процессе развития современного информационного общества все мы стали свидетелями столкновения на планетарном уровне двух глобальных тенденций: стратегии покорения природы ради искоренения бедности во имя богатства меньшинства и концепции устойчивого сосуществования и развития человека, общества и природы, которая в современной науке и философии приобретает особую актуальность, так как непосредственно связана «с поиском и обоснованием конструктивной стратегии

прост, как голубь, и, одновременно, дик в своих проявлениях» [7, с. 1]. Посредством языка внутренние чувственные переживания Бенджи как субъекта, вызванные созерцанием реальности, находят свое выражение в мифологических образах, которые так ценил автор «Лолиты».

Набоков был убежден, что произведения, где реконструируется мифологический опыт, воссоздают историю сотворения мира, создают новый космос [4, с. 90]. Проникнуть в эти миры, по мнению Набокова, равноценно тому, чтобы стать посвященным. Тем самым человек преодолевает всеобщий пессимизм мира, современную философию отчаяния, и даже убегает в другой мир от мещанства, в условиях противостояния, как официальному обществу, так и Церкви, пишет Р. Отто [8, с. 68]. Этим объясняется не утихающий интерес к романам У. Фолкнера.

Но Владимир Набоков, который при оценке литературы всегда ссылался на три ипостаси великого мастера [6, с. 51], не признавал Фолкнера мастером слова, даже несмотря на использование в тексте мифологических образов и античных посылков в виде архаического мира главного героя–«идиота» [7, с. 1], которые так ценил Набоков. По его мнению, «мастерством писателя-учителя Фолкнер не обладал, волшебства в его романах не наблюдается, да и рассказчик из него весьма сомнительный» [3, с. 64]. Тем не менее, обращение Фолкнера к мифу и космосу, как неотъемлемой части знаковых и античных представлений об устроенности мира, всё же несколько смягчило высказывания автора «Лолиты» о творчестве Фолкнера. В интервью «Голосу Америки» (1963) Набоков говорил: «Несмотря на всё это, автор «кукурузных хроник» не безнадежен, всему виной тяга к описанию быта, а банальности – удел писателей второго ряда» [3, с. 54].

По сути, спор Набокова с Фолкнером – это спор писателя с реализмом, к которому Набоков относился негативно, даже ненавидел его в общепринятом понимании, как правдивое изображение реальной действительности. В своём эссе «Искусство литературы и здравый смысл» (1942) В. Набоков понимает под реализмом следующее: «реализм, т. е. такой, который, коренясь в нашей творческой фантазии, заменяет точность исторической и современной нам действительности обманной ее видимостью, властно требующей к себе равного с нею доверчивого отношения» [6, с. 67]. Суть в том, что Набоков предложил литературе принципиально новую концепцию личности. Перед нами не герой в традиционном смысле этого слова, но, скорее, некое воплощение авторской идеи, некий набор тех или иных качеств, в отличие от героя реализма. Его судьба, поступки, поведение порождены не столько логикой характера (а она вообще может отсутствовать, персонаж набоковского романа может быть совершенно алогичен), сколько полной подчиненностью его авторской воле, авторскому замыслу. Герои набоковских романов полностью «бесправны» и абсолютно зависимы, никакой диалог на равных между голосом автора и героя, как, например, в романе Фолкнера, в принципе невозможен.

В подобных принципах мотивизации характера проявляется важнейшая грань концепции человека у Набокова – и принципиальный, декларативный разрыв с реализмом [7, с. 1]. Отношения между героем и действительностью оказываются искривленными и алогичными. Герой, вглядываясь в реальную жизнь, будь то жизнь социальная или сугубо частная, пытается постигнуть ее – и не может сделать этого. Возникает характерный мотив бегства от враждебного, чуждого, алогичного мира. У Фолкнера все совсем иначе. Его герои «подстраиваются» под реальность, не постигая ее сути. Подобная непреложная взаимосвязь обусловлена положением личности, включенной историей в свой круговорот, часто против собственной воли, и не имеющей уже возможности переждать исторические катаклизмы и уйти в сферу частного бытия, всегда, казалось бы, доступную личности.

Литература:

1. Галинская И. К вопросу о генезисе романа В.В. Набокова «Лолита» // Электронный ресурс: [<http://ec-dejavu.ru/l/Lolita.html>]
2. Деррида Ж. Голос и феномен, и другие работы по теории знака Гуссерля. Различение. СПб, 1999.
3. Мельников Н. Владимир Набоков. Интервью 1932-1977. М., 2002.
4. Мельников Н. Набоков о Набокове и о прочем. М., 1980.
5. Набоков В. Волшебник // Электронный ресурс: [<http://lib.ru/NAVOKOW/wolshbn.txt>]
6. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1980.
7. Нива Ж. Возвращение в Европу. Мистификация прежде всего // Электронный ресурс: [<http://russia-west.ru/viewtopic.php?id=622>]
8. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб, 2008.
9. Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2010.
10. Элинтон Г. Изучение повествовательного фольклора. М., 2008.

Кочергина А. А.

Астраханский государственный университет, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Введённый в 1967 г. теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой термин «интертекстуальность» оказался очень жизнеспособным. Кристева опиралась на труды М. М. Бахтина, его исследования «чуждого слова» и «диалогичности» (учение о тексте как звене в цепи, диалоге между культурами) и утвер-

университетских хлебах в тихих американских и немецких городках, вдали от всего «этого» (Новости мюзикла «Норд – Ост». Подшивка, 30.10.2002).

Метафорическое высказывание *университетские хлеба* часто употребляется с различными прилагательными, от употребления которых меняется значение всего выражения, как, например, в (8), (13) и (14), где употреблены прилагательные *постные, вольные, спокойные*.

Данное метафорическое высказывание несет в себе как положительный, так и отрицательный компонент. В примере (12) можно отметить отрицательное отношение к *университетским хлебам* как к учебе, поскольку здесь выражено мнение, что учеба ни к чему хорошему не привела, если человек не может справиться со своими эмоциями. А, например, в (13), наоборот, выражена положительная оценка периода нахождения в университете, что способствовало творческой реализации персонажа.

• «университет → утро»

Данная ассоциация реализуется сравнительно редко. Ее воплощением становится выражение (первое) университетское утро, обозначающее начало обучения в университете и начало взрослой жизни.

(15) – *Еще в первое мое университетское утро, когда председатель департамента славянских языков и литератур профессор Дин Уортс показывал мне кампус, я увидел издали удивительно знакомую гранитную форму* (Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп).

(16) – *О-кей. Сказал я себе в то первое университетское утро, начну с разговора о взаимоотношениях между прозой и скульптурой* (Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп).

По поводу веселой и разгульной жизни студентов в университете написано немало веселых историй и придумано анекдотов. В русской лингвокультуре сложился образ студента как веселого молодого человека, умеющего не только активно грызть гранит науки, но и весело проводить время вне университетских аудиторий, следствием чего является тяжелое пробуждение на следующее университетское утро, как в примере (17):

(17) – *Приходят они с мамой на медфак: кругом все раздолбано, все студенты валяются бухие, Мурков – в больнице, Валахонov ходит с фингалом под глазом, одним словом, нормальное университетское утро* (www.anekdot.ru).

Следует также выделить из найденных примеров метафорическое высказывание *университетская скамья*. Данная дефиниция закреплена в Толковом словаре русского языка С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведова как 1) со времени учения в университете и 2) время сразу после окончания университета.

(18) – *Он с университетской скамьи воспитывается в сознании своей причастности к социальному и нравственному прогрессу* (Щенников Г.К. Роль гуманитарной составляющей классического университетского образования в формировании личности).

ально развитые, несущие в себе идеи честности, гуманности, с универсальным подходом к решению поставленных задач.

Метафорическое высказывание «университетская закваска» несет в себе оценочный компонент, который характеризует как самого человека с университетским образованием, так и его ценностные доминанты.

- «университет → заработок»

Из собранных примеров представляет интерес метафорическое выражение *университетский хлеб* (или *университетские хлеба*), в котором концепт «университет» воплощается в ассоциациях различного рода.

- «университетский хлеб → низкий уровень оплаты труда»:

(8) – *С более мелкими и непрофильными вузами ситуация очень неоднозначна: в большинстве случаев она не в состоянии обеспечить студентов квалифицированными преподавателями (скажите откуда в нашей стране взяться преподавателям PR, если все вузовские доценты выросли на черноземе социалистической науки; а качественные и эффективные практики не торопятся переходить на постные университетские хлеба* (Интернет – сайт Great Orakul, 2007).

- «университетский хлеб → заработная плата»:

(9) – *Это ж классика, когда для релевантного анализа одного предложения потребовалось 40 страниц ЕЯ-текста... Даром, что ль, аналитические философы свой университетский хлеб жрут* (Интернет – форум Aicommunity, 15.05.2006).

(10) – *И дальше многие годы шла тягомотина – назойливые упреки Мартынова в том, Что Доктор не отрабатывает свои жалкие «пол-профессора», даром, дескать, ест университетский хлеб!* (Новелла о докторе).

- «университетский хлеб → учеба»:

(11) – *Студентов из разных областей привлекает учеба в большом и шумном мегаполисе. А молодежь из самого Донецка или Макеевки пытается поселиться в общагах, чтобы не зависеть от родителей. Но таких все меньше пускают на университетские хлеба* (Блик – online, 31.08.2007).

(12) – *Мать смотрела на меня весьма подозрительно, она так и не могла понять смеюсь я или плачу. В голове ее, несомненно, бродили мысли вроде: «Да, испортился мой сынок на университетских хлебах. Наверное, не стоило посылать его учиться. Сидел бы ты, сынуля, лучше в нашем задрипанном Задницбурге, пошел бы в ученики к сапожнику, а годам к пятидесяти, глядишь, и мастером стал бы. Эх, молодежь, молодежь!»* (On-line библиотека «Все книги», 2007).

- «университетский хлеб → возможность творческой реализации»:

(13) – *После «Затерянного в Сибири» я уехал на Запад, стал профессором, преподавал в Гамбургском университете и на вольных университетских хлебах за шесть лет написал одиннадцать сценариев* (Журнал – online Kinoart, №8, 2002).

- «университетский хлеб → спокойная жизнь»:

(14) – *Что очень некрасиво, наконец, либерально рассуждать о правах многострадающего чеченского народа на самоопределение, живя при этом на спокойных*

ждала, что «любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [1, 428]. Затем к разговору об интертекстуальности присоединился Р. Барт, который заявил, что само существование текста возможно лишь в силу его межтекстовых отношений [2, 486].

Действительно, без явных или неявных цитат, вкраплений из других текстов не обходится практически ни одно современное художественное произведение. Исключения не составляет и детская литература. Порой появление «ранее сказанного» в стихах или сказках для детей кажется случайным, непреднамеренным: слишком уж сложны для детского восприятия претексты, тексты-доноры, что сводит возможность знакомства с ними до прочтения текста-реципиента к нулю. Однако в литературе нет ничего случайного, поэтому авторы используют интертексты преследуя определённые цели, без понимания которых невозможен анализ подобных произведений.

Прежде чем пытаться определить функции интертекстуальности в современной детской литературе, заметим, что литература для детей в конце XX – начале XI вв. развивается в основном по авангардной игровой модели, главный принцип которой – игра со словом. «Словесная клоунада» была важным приёмом, при помощи которого представители русского литературного авангарда «преодолевали шоры узального словоупотребления и «очищали конкретный предмет от его литературной и обиходной шелухи»» [3, 74].

Именно как игровой приём стоит рассматривать, в частности, написание продолжения известного стихотворения Агнии Барто «Бычок» **Тимом Собакиным (Андреем Ивановым)**. В русле исследований Б. В. Томашевского, который в начале XX в. выделил три типа текстовых связей («схождений»), как то: «сознательная цитация, намёк, ссылка на творчество писателя, определённым образом освещающие (трактующие) ранее созданные произведения»; «бессознательное воспроизведение литературного шаблона» и «случайное совпадение» [4, 210–213], – мы явно имеем дело с первым типом. Собакин называет имя Барто в самом начале и дословно приводит её стихотворение, а затем сообщает, что некий доктор поэтических наук Роман БУЛЬВАРНЫЙ «обнаружил в секретном отделе публичной библиотеки неизвестные доселе строки», – и пишет ещё пять четверостиший. В «продолжении» повествуется, как «умелые строители устойчивых мостов» соорудили на месте падения бычка мост, на открытие которого приехал даже президент. Стихотворение заканчивается оптимистичным

И было всем наградою
Редиски два пучка...
И больше там не падало
Ни одного бычка! [5, 216]

Помимо ясно выраженной юмористической направленности, подобное «поэтическое открытие», думается, преследует и другие цели. Автор иронизирует по

поводу таких явлений массовой культуры, как многочисленные сиквелы (а также триквелы, приквелы и т. д.), которые нередко создаются не авторами оригиналов и с которыми, безусловно, знаком каждый современный ребёнок.

В современной детской литературе встречаются и цитаты «взрослых» классиков, чьи произведения, впрочем, должны быть знакомы младшим школьникам, поскольку входят в рамки программы по чтению. Особенно часто «материалом» для современных детских писателей служит творчество А. С. Пушкина. Почему именно его? С детства ребёнку преподносят как аксиому: «Пушкин – наше всё», «Пушкин – солнце русской поэзии». Как правило, тем самым достигается обратный эффект: примелькавшиеся, крепко затверждённые, но совершенно неосмысленные строчки вызывают у ребёнка в лучшем случае апатию, в худшем – раздражение и ненависть к их автору. Как носитель клипового сознания современный ребёнок «всегда ощущает некий барьер при обращении к классике, ведь это для него переход от одного стиля мышления (изложения) к другому, иногда практически чуждому» [6]. Как показать, что классика не просто так выдержала испытание временем, что она до сих пор понятна и близка? Попытаться вписать её в современный контекст. Именно это и делают самые прогрессивные детские авторы, известные своим непревзойдённым юмором.

Одним из таковых, безусловно, является **Артур Гиваргизов**. В рассказе «Гениально» мы снова наблюдаем первый тип текстовых схождений по Томашевскому: дедушка читает внуку стихотворение Пушкина «Сизу за решёткой в темнице сырой...», прямо указывая автора. Сидящий на голове памятника поэту голубь думает, что Пушкиным назвали его – за пушистое оперенье. Решив похвалиться этим перед кошкой, голубь терпит от неё насмешки и затем, чтобы реабилитироваться, читает – «с выражением» – подслушанные строки. Эффект превосходит все ожидания: «Кошка перестала смеяться. Она серьёзно посмотрела на голубя и спросила:

– Сам сочинил?

– Сам.

– ГЕ-НИ-АЛЬ-НО!!!» [7, 101]

Конечно, привитие ребёнку уважения к классике вряд ли можно считать первоочередной задачей этого текста (слишком отчётливой его смеховая природа и отсутствие дидактизма), но вопрос «Если даже кошка признаёт Пушкина гениальным, может, так оно и есть?» вполне прослеживается в произведении.

«Привет Пушкину» (правда, уже не столь явный) передаёт и **Сергей Шац**. Персонаж его рассказа «Птичий рынок» постовой Афанасий Мошкин («в свободное от службы время <...> был добрейший человек, гурман, любитель хорового пения. <...> Однако, заступая на пост, Афанасий буквально сатанел, буквально не владел собой, о чём позднее сильно жалел» [8, 63]). Поэтому во время службы его звали не иначе как Афанасий *Буря-Мглою*. Хоть первоисточник и не назван прямо, разгадка значения фамилии лежит прямо на поверхности, и радость от встречи хрестоматийных строк в столь необычном контексте ребёнку обеспечена.

Метафорическое выражение «мои университеты» имеет ассоциативную связь с приобретением опыта в определенной профессиональной сфере, например, в сфере культуры или спорта:

(3) – *Да, сезон провела за «Феникс». Но там очень жесткий, я бы сказала, нечеловеческий баскетбол. Я все время ходила с оцарапанным лицом, с синяками и ссадинами. Но университеты там прошла, по-моему, успешно. Приглашают и сегодня* (газ. «Комсомольская правда», 2007).

(4) – *Я счастлива, что еще застала время, когда даже в небольших концертах принимали участие выдающиеся артисты театра и кино, великие музыканты, а эстрадные номера исполняли лучшие представители этого жанра. Наверное, неслучайно я влюбилась в эстраду прежних лет, когда главным был Его Величество Номер! Это был или микроспектакль, который не мог не иметь успеха, так как мы всегда, еще до перестройки, работали по законам рыночной экономики: не будет успеха – не будет работы. Я могу назвать такие концерты моими университетами* (газ. «Аргументы и факты», 17.08.2007).

• «университет → характер»

Данная ассоциация воплощается в выражении *университетская закваска*:

(5) – *Актер был из второго эшелона золотой товстоноговской труппы. Но его университетская закваска и интеллектуальное обаяние находили органичное выражение даже на крохотной территории эпизода* (сайт «Энциклопедия отечественного кино», 2007).

(6) – *Все мы, выпускники родной «альма-матер», специалисты университетской закваски. Эта широта взглядов на ситуацию, универсальный подход ко всей организации работы. Универсальный охват многих направлений, казалось бы, не взаимосвязанных с собой – потом они все органично и оптимально увязываются в один узел...* (Юрий Волков. Познать суть происходящего).

(7) – *Естественно, что не поддерживаемый новыми материалами огонь начнет со временем гаснуть, приобретенные знания, не прилагаемые к жизни, будут мало-помалу испаряться. От всего университетского курса останется лишь общая закваска человека с высшим образованием, те идеи честности, гуманизма и прогресса, какие каждый мало-мальски талантливый и неиспорченный юноша выносит из университета* (Алексей Писемский. Его жизнь и литературная деятельность).

В вышеприведенных примерах (5)–(7) наглядно прослеживается та огромная роль университета как образовательного учреждения в жизни человека. Ведь с момента своего зарождения университеты были не просто местом получения знаний. Они становились «кузницей кадров», местом интеллектуального и духовного развития будущих специалистов. В университетах получали не только знания, здесь учили применять эти знания в жизни, не пасовать перед трудностями, стараться находить выход из любой сложной ситуации. Из университетов выходили люди университетской закваски, т.е. люди, интеллекту-

ETNO-, SOCIO- I PSYCHOLINGWISTIKA

К.ф.н. Заглядкина Т.Я.

Волжский гуманитарный институт (филиал ВолГУ), Россия

ЭКСТРАЗОНА КОНЦЕПТА «УНИВЕРСИТЕТ»
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

За последние десятилетия в России произошли глубокие общественные преобразования, которые нашли свое отражение и в образовательной сфере. Россия подписала Болонское соглашение, тем самым, поставив российское образование на качественно новый уровень развития. Новое вызывает всегда огромный интерес в обществе и едва ли не каждый пытается осмыслить эти новые преобразования, что в свою очередь влияет на развитие языка, и в частности на процессы активизации употребления метафорических высказываний в академическом дискурсе.

Любые общественные изменения влекут за собой изменения ценностных доминант. А поскольку российское образование претерпело кардинальные изменения, то это, в свою очередь, повлияло на плотность языкового воплощения академической концептосферы. Предметом данной статьи является рассмотрение метафорической диффузности академического концепта «университет» в русской лингвокультуре, поскольку интенсивность функционирования любого концепта выражается в сумме двух показателей – номинативной плотности и метафорической диффузности [1:52] и последняя является необходимой характеристикой экстразоны (совокупности исходящих ассоциаций) концепта [1:60].

Многие академические концепты обладают метафорическим потенциалом. Для концепта «университет» в русской лингвокультуре характерны следующие ассоциации:

- «университет → жизненный опыт»

В языковой картине мира университеты ассоциируются с приобретением в процессе проб и ошибок жизненного опыта: *мои университеты*. Данное метафорическое высказывание берет свое начало с момента выхода в свет трилогии М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты» в 1923 году. Главный герой прошел тяжелый жизненный путь, его не сломали трудности, которые он смог преодолеть только благодаря своей негибкой воле и силе своего характера, а также стремлением к познанию чего-то нового и неизведанного.

(1) – *А прошлое было моим опытом, моими уроками, моими университетами. Там меня научили быть другим, быть богаче, сильнее, красивее* (газ. «Аргументы и факты», 2007).

(2) – *Эти годы были моими лучшими университетами, академиями и лабораториями, годами проб и ошибок...* (газ. «Аргументы и факты», 2006).

Читатель повзрослее наверняка улыбнется, узнав в том же рассказе имя двухголового великана – Гога-и-Магога (библейские названия народов, чье нашествие принесет с собой конец света; также упомянуты в «Мертвых душах» Гоголя, где с ними сравниваются губернатор и вице-губернатор) – и «выслушав» от самого героя нехитрое ономастическое объяснение: «Левая башка – Гога. Правая – Магога. А вместе – Гога-и-Магога» [8, 75].

Буквально пронизана интертекстами сказка известного детского писателя **Андрея Усачёва** «Малуся и Рогопед». Злой гений Рогопед создаёт целый мир из искажённых слов, попутно используя в качестве «стройматериалов» и элементы других текстов. В сказке можно найти следы не только художественных произведений, но и, например, песен. Так, *Моляк*, как и добрая половина других персонажей не выговаривающий звук «р», утешает своих друзей при появлении акул словами, поразительно напоминающими «Песенку о капитане» В. Лебедева-Кумача: «– Спокойно! Я десятки лаз тонул следи акул...» [9, 45]

В произведении есть отсылки и к другим текстам, явно не входящим в круг детского чтения. Например, герои сказки ищут город Градов, который задолго до Усачёва придумал Андрей Платонов. Несмотря на то что Усачёв вряд ли мог этого не знать, об осознанной цитации речи быть не может: интертекстема никак не работает на переосмысление идеи претекста. Зато на ум приходит другое объяснение: словосочетание «город Градов» имеет особую аллитерационную выразительность и представляет определённую сложность для произнесения людьми с речевыми дефектами (как герои сказки). Кроме того, название города в дальнейшем обыгрывается: когда город захватывают *Кысы*, он становится *городом Гадов* (нетрудно догадаться, что в обоих случаях из слов просто изымается буква «эр»).

Текстом-донором для сказки становится даже «Божественная комедия» Данте. Попав на мрачный остров *Глот*, герои видят табличку, на которой среди прочего написано: «Оставь надежду каждый / Попавший в мой живот» (ср. с надписью на вратах Ада: «Оставь надежду всяк сюда входящий»). В данном случае вполне возможно случайное совпадение, тем более что оценить реминисценцию смогут разве что родители, читающие детям эту сказку. Впрочем, если учесть, что современная детская литература в основном носит двухадресный характер (т. е. она интересна как детям, там и взрослым), становится ясно, что авторская ирония достигает цели: *Глот* сознательно описывается с претензией на метафизику (приводятся размышления об относительности времени, о важности истинного Имени и пр.) и наводит на мысли об Аде.

В «Малусе и Рогопед» есть даже своеобразное толкование целого литературного направления – деревенской прозы: корова Розалия называет так разговоры других коров «о еде, да о мухах, да о местном пастухе *Макаре, который никуда телят не гонял*» (ещё одна интертекстема!) [9, 89].

Кстати, о деревенской прозе. В цикле рассказов того же Усачёва «Приключения в зоопарке» встречаем директора цирка, который носит имя Иван Африканович (совсем как главный герой рассказа Василия Белова «Привычное

дело»). Вероятно, здесь мы тоже имеем дело с авторским «подмигиванием» начитанным взрослым («Узнаёте, дескать, откуда это?»). В то же время некая экзотичность имени, заключённый в нём намёк на Африку (в зоопарке и цирке много африканских зверей) работают сами по себе. (Заметим, что директора зоопарка зовут Львом Павлиновичем – вполне реальное имя и отчество в контексте рассказов о животных тоже обретают особую выразительность.)

Таким образом, на основе рассмотренных примеров можно сделать определённые выводы о функциях интертекстуальности в современной детской литературе. Интертексты используются:

- для создания юмористической, иронической атмосферы; с целью позабыть юного читателя;
- чтобы доставить эстетическое и интеллектуальное наслаждение читателю от встречи и узнавания известных строк в новом, необычном контексте;
- для актуализации текстов классической литературы, нового «открытия» их читателю;
- с целью придания детской литературе двухадресного характера, перевода её в разряд и взрослого чтения тоже.

Проявляясь в современной детской литературе всё чаще и ярче, интертекстуальность, несомненно, обогащает её, насыщает новыми красками, в то же время актуализируя лучшие традиции авангардной игры.

Литература:

1. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 427-457.
2. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Кобринский, А. А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературно-авангарда // Учёные записки Московского культурологического лица. Серия: литературная критика. М.: Издательство Московского культурологического лица, 1999. – № 2. – 149 с.
4. Томашевский, Б. В. Пушкин – читатель французских поэтов // Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова. М., Пг., 1923. – С. 210–228.
5. Собакин Тим. Заводной мир: стихи, сказки, песни. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 316, [4] с.
6. Скорости культур: как догнать прошлое? // Wikers Weekly, выпуск № 16. – URL: <http://wikers.ru/weekly/classic/9880/> (дата обращения: 23.05.2012 г.).
7. Гиваргизов, А. А. Про королей и вообще. – М.: Гаятри, 2005. – 96 с.
8. Шац, С. Три подвига Сумбурука. – Таллинн: Пало-Алто, 2004. – 176 с.
9. Усачёв, А. Малуся и Рогопед: Повесть-сказка. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 176 с.

Анализируя рассказ «Четыре дня», Короленко останавливается на вопросе о влиянии Толстого на военные рассказы Гаршина. Эту проблему поднимали многие исследователи творчества Гаршина. Так, С.А. Андреевский указывает, что психологический монолог, или изложение одиноких мыслей вслух, Гаршин использует в своем рассказе под влиянием Толстого.

Н.К. Михайловский отмечал значительное влияние Толстого на всю военную беллетристику тех пор. Вопрос о влиянии на Гаршина «гения и манеры Толстого», от которого, по мысли Короленко, не свободен ни один русский писатель, критик уточняет на анализе одного «внешнего совпадения» в произведениях обоих писателей, при этом подчеркивая совершенную самостоятельность гаршинского настроения. Князь Андрей, раненый на поле сражения, как и герой Гаршина, смотрит на небо и предаётся размышлениям. Это и есть, по мнению Короленко, «внешнее совпадение», внешнее сходство, в то же время разных по своему внутреннему содержанию эпизодов из двух произведений. Короленко наглядно доказывает самостоятельность гаршинского изображения внутренних переживаний героя: «Князь Андрей весь уходит в созерцание таинственной синевы, далекой и непроницаемой. Все долгое остальное время своей уходящей жизни он чувствует себя все более и более близким к решению вечных вопросов, пока, наконец, автор не заявляет нам, что его герой все решил и все понял». То решение, которое принял герой Толстого, бесконечно далеко, утверждает Короленко, от тревог жизни, от людских переживаний, которыми томился герой Гаршина, который тоже смотрит на небо, но мыслит по другому. «Небо для него только явление природы... Вместо того, чтобы стремиться к бесконечным тайнам, он мучительно разбирается в своем положении: я убил его? За что?»

Внутренний психологизм в изображении героя Гаршина, мучившие его вопросы, Короленко связывает с особенностями того времени, того поколения, для которых вся суть «проклятых вопросов» сводилась к вопросу о правде или неправде в конечной области людских отношений». И поэтому в творчестве Гаршина, как яркого представителя поколения семидесятников, и нашли свое отражения те настроения, которые и характеризовали это поколение.

Короленко раскрыл основной мотив творчества Гаршина, который заключается в вопросе о нравственном примирении с внутренним порабощением. Он доказал самостоятельность гаршинского настроения, свободного от влияния Толстого, а также определил силу Гаршина в «глубине и интенсивности» изображения. Неоспоримой заслугой Короленко является его высокая оценка рассказов Гаршина на военную тематику.

Через всю статью «В.М. Гаршин» проходит утверждение критика о целительном действии атмосферы стихийной безответственности на «неприспособленную душу» писателя. Именно в стихийно-народных процессах Гаршин, по мнению критика, нашел примирение с внутренним противоречием. Короленко очень тонко и проницательно раскрывает драму Гаршина как писателя, которая состояла в мучительном стремлении перейти от лирических мотивов к эпическому изображению действительности.

Горovenko Мария Александровна

Доцент кафедры английской филологии Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды.

РАССКАЗ В.М. ГАРШИНА «ЧЕТЫРЕ ДНЯ» В КРИТИКЕ В. Г. КОРОЛЕНКО

Короленко и Гаршин – представители одного поколения. Социальная среда из которой они вышли, идеалы, к которым они стремились – все это сближает их. Со своим литературным сверстником Короленко соприкасается и в стремлении обогатить старую реалистическую систему такими свойствами, которые дали бы ей возможность отразить предчувствие назревающих в России перемен. Этим объясняется и особый интерес Короленко к личности и художественному творчеству Гаршина.

Творческое наследие Гаршина в полной мере проанализировано критиком в его статье «Всеволод Михайлович Гаршин» (1910), которая была впервые напечатана в четвертом томе «Истории русской литературы 19 века». Однако задолго до написания статьи, еще в 1888 году в №255 «Волжского вестника» была напечатана «Литературная заметка» Короленко в связи со смертью Гаршина, в которой критик высоко оценил художественный талант писателя и поднял принципиальный вопрос о необходимости объективной оценки достоинств и недостатков выдающихся деятелей науки и искусства.

В письме к С.И. Дурылину от 10 января 1910 года Короленко писал: «Талант Гаршина я ставлю высоко. Как ни мало он написал в свою короткую жизнь, прерываемую периодами болезни, но в этом немногом дал много характерного для своего времени и своего поколения».

Литературно-критический очерк Короленко «Всеволод Михайлович Гаршин» по праву занимает важное место среди критической литературы о Гаршине. Мастерски написанный талантливым рукой художника, критический очерк Короленко представляет собой обстоятельный анализ творческого наследия писателя. Короленко прежде всего стремится выяснить идейно-художественную направленность творчества Гаршина в связи с характеристикой общего облика писателя. Короленко верно определяет своеобразие литературной манеры Гаршина, которая сформировалась, по мнению критика, под влиянием склонностей Гаршина к точным наукам: «Точность наблюдения и определенность выражения мысли, являются характерной чертой Гаршина-писателя».

Особенно интересным представляется анализ первого рассказа писателя «Четыре дня» (1878). Содержание небольшого рассказа, в котором чувства, мысли, переживания раненого и составляют основу повествования, отличается, по мнению Короленко, «художественной простотой», но в то же время необыкновенной силой воздействия на сознание читателей. Короленко высоко оценил мастерство Гаршина, указывая на то, что писатель, при отсутствии внешних событий в рассказе, приковал к этим четырем дням внимание читателя.

Голубева Галина Львовна

учитель русского языка и литературы СОШ № 4
г. Нововоронежа Воронежской области

«ОГОНЬ СНОВА С НАМИ!»

Уроки по главам из книги Жозефа Рони-Старшего «Борьба за огонь»

V класс

Обучение началам анализа художественного текста на основе осмысленного чтения фрагментов произведения

Программа по литературе для V – XI классов общеобразовательной школы авторов-составителей Г.С. Меркина, С.А. Зинина, В.А. Чалмаева предусматривает знакомство пятиклассников с главами из книги Ж. Рони-Старшего «Борьба за огонь», что позволяет учителю достичь весьма важных и серьезных целей. Это прежде всего погружение детей в эмоциональный мир первобытного человека, постоянно находившегося в борьбе за выживание и тем не менее сохранявшего гуманистический взгляд на мир, а также развитие умений анализа художественного текста на основе осмысленного чтения фрагментов произведения, выразительного чтения и пересказа, составления плана, устной и письменной характеристики героя.

В качестве оборудования на уроках могут быть использованы портрет Жозефа Рони-Старшего, обложка и форзацы книги «Борьба за огонь» (художник В. Ситников) (1), репродукции произведений первобытной живописи, рисунки учащихся.

Первый урок начинается со вступительного слова учителя (здесь и далее по тексту слова учителя выделены жирным шрифтом, слова учащихся – курсивом), который обращается к эпиграфу, записанному на доске: **«Люди каменного века, конечно, сильно отличались от нас по своему внешнему облику, но уже были настоящими людьми, в полном смысле этого слова. И они были молоды той великолепной молодостью, которая неведома теперь нам, их далеким потомкам, как непонятна современному человеку та несокрушимая энергия и упорство, с которыми первобытные люди отстаивали своё право на существование в жесточайшей повседневной борьбе с окружающим их враждебным миром»** (2), – так писал французский писатель Жозеф Рони-Старший в книге «Борьба за огонь», с главами из которой мы знакомимся сегодня. **Группа биографов кратко расскажет нам о жизни писателя.**

Жозеф Анри Бекс (1856-1940) и его брат Серафен Франсуа Бекс (1859-1948) родились в Бельгии, но жили во Франции. Они оба стали писателями. Иногда братья становились соавторами, вместе создавая произведения. Позже Жозеф Анри взял себе псевдоним Рони-Старший.

Самыми популярными стали его книги «Вампирех» (1892), «Борьба за огонь» (1911) и «Пещерный лев» (1920). Все они рассказывают о жизни первобытных людей. Мы знаем из учебников истории, какой тяжёлой, опасной и короткой была эта жизнь. Писатель стремится представить её в живых образах и показывает нам внутренний мир, желания, взаимоотношения первобытных людей с сочувствием, жалостью и любовью.

Повесть «Борьба за огонь» начинается с трагического эпизода в племени Уламров. Утратив огонь, от которого зависела их жизнь, люди посылают на его поиски трёх молодых воинов. Нао, Нам и Гав отправляются в длительное, тяжёлое и страшное путешествие, в котором их подстерегает множество опасностей. Об одной из них мы узнаем, прочитав главу «В логове медведя».

Текст читает учитель или хорошо подготовленные ученики по ролям. После чтения проводится беседа.

Что встревожило Гава, стоявшего на страже у входа в пещеру?

«Стук копыт внезапно промчавшейся неподалёку сайги заставил Гава быстро поднять голову и тревожно оглядеться. На противоположном берегу реки по крутому гребню базальтового холма двигался, переваливаясь с ноги на ногу, какой-то большой зверь. Грузное и в то же время гибкое тело, большая голова с заострённой мордой и что-то человеческое в походке – всё говорило о том, что перед Гавом огромный медведь». (3)

Чем был опасен для людей именно серый медведь? (4)

Люди не боялись пещерных медведей, потому что они были миролюбивыми и питались исключительно растительной пищей. «Приблизившийся к пещере зверь принадлежал, по-видимому, к другой породе... Это был серый медведь...» (5) Серый медведь, страшный хищник, уступал в силе только пещерному льву, носорогу и мамонту и мог «одним ударом могучей лапы свалить на землю зубра или бизона, задушить лося или дикую лошадь. Его острые когти без усилия вспарывают грудь человека, он не боится свирепого льва и кровожадного тигра». (6)

С помощью каких изобразительных средств рисуется образ серого медведя?

В описании зверя используется много эпитетов: быстроногий, проворный, неугомонный, упрямый, огромный, косматый, угрюмый, злобный, волосатый, расщипавший. Его тело «грузное и в то же время гибкое», голова «тяжёлая», «мохнатая», «ложматая», грудь «могучая», челюсти «мощные», рычание «грозное», клыки и когти «страшные», череп «массивный», «несокрушимый», ум «тёмный», морда «заострённая», лоб «плоский», туша «громоздкая», «окровавленная», туловище «покрытое короткой сероватой шерстью», поступь «тяжёлая», шкура «толстая», рёв «хриплый», «протяжный».

словно светлая, полноводная река, несущая свои прозрачные воды в туманную даль грядущих столетий». (28)

Литература:

1. Рони Ж. (Старший). Борьба за огонь. Доисторический роман. – Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1990.
2. См. 1. – С. 8-9.
3. Меркин Г.С. Литература. 5 класс. Учебник-хрестоматия для общеобразовательных учреждений. В двух частях. Часть 11. 4-е издание. Москва, «Русское слово», 2006. – С. 253.
4. Там же. – С. 267.
5. Там же. – С. 253.
6. Там же. – С. 253.
7. Там же. – С. 255.
8. Там же. – С. 255.
9. Там же. – С. 255.
10. Там же. – С. 257.
11. Там же. – С. 257.
12. Там же. – С. 258.
13. Там же. – С. 267.
14. Там же. – С. 259.
15. Там же. – С. 259.
16. Там же. – С. 267.
17. Там же. – С. 259.
18. Там же. – С. 261.
19. Там же. – С. 262.
20. Там же. – С. 267.
21. Там же. – С. 263.
22. Там же. – С. 263.
23. Там же. – С. 265.
24. Там же. – С. 266.
25. Там же. – С. 267.
26. См. 1. – С. 7.
27. Там же. – С. 129.
28. Там же. – С. 255.

Как вы думаете, повесть Ж. Рони-Старшего относится к приключенческому, историческому или фантастическому произведению? Обоснуйте свой ответ. (25)

Сам писатель назвал своё произведение «доисторический роман» (а не повесть, как его называют в критике), и это правильно, ведь в основе содержания книги лежат исторические события. Однако необходимо сказать, что здесь есть элементы и приключенческого жанра, ведь герои переживают множество приключений, добывая драгоценный Огонь.

В качестве внеклассной работы по теме можно организовать чтение всего произведения Ж. Рони-Старшего и провести читательскую конференцию по книге «Борьба за огонь». С этой целью за месяц до конференции детям предлагается подумать над следующими вопросами:

1. Как случилось, что Уламры лишились Огня?
2. Какой приём использует автор, показывая оставшихся в живых Уламов на фоне встававшего «во всё своём блеске и могуществе» (26) дня?
Это контраст, позволяющий читателю осознать всю тяжесть несчастья, обрушившегося на людей.
3. Кто вызвался вернуть племени Огонь? Что пообещал Фаум тому, кто сможет сделать это?
4. Какие приключения ожидали Нао, Нама и Гава на их пути?
Встреча с серым медведем, со стаей волков, с мамонтами и зубрами, пещерным львом и тигрицей.
5. Что помогало молодым воинам одержать верх над миром дикой природы?
6. Как произошла их встреча с Кзамами?
7. Расскажите о бое Нао с Кзамами.
8. Почему Нао пытался спасти Гава, хотя понимал, что при этом «подвергает опасности завоёванный им для племени Огонь, жизнь Нама и свою жизнь?» (27)
9. Как и почему мамонты помогли юношам ускользнуть от врага?
10. Почему мамонты подружились с юношами?
11. Что принесла героям встреча с Рыжими Карликами? Как им удалось спастись?
12. Как произошло знакомство с Человеком-без-плеч и его племенем?
13. В каком состоянии было племя Ва (или Люди-без-плеч), когда Нао, Нам и Гав объединились с ними в борьбе против Рыжих Карликов?
14. Какую тайну открыло племя Ва Нао? Что меняло это открытие в жизни Уламов?
15. Как рисует автор возвращение юношей в родное племя? Какими словами он заканчивает свой роман?

«Нао опустил руку на плечо Гаммлы, бережно поднял её с земли и поставил на ноги рядом с собой... Бесконечная жизнь простиралась перед ними,

Автор использует и сравнения: «...Крепкие, словно гранит, кости»; «В такой позе медведь ещё больше напоминал человека»; «...два ряда длинных и острых, словно дробинки, зубов».

Для описания самого страшного момента боя Рони применяет метафору «сокрушительный натиск этого живого тарана».

Все эти изобразительные средства помогают нам отчётливо представить себе страшного серого медведя.

Как ведут себя молодые воины, поняв, какая опасность грозит им?

Гав разбудил Нао, который понял, что они должны приготовиться к нападению на пещеру, и разбудил Нама. «Втроём они поспешно начали перекапывать валуны ко входу в пещеру...» (7)

Какие чувства переполюют юношей?

«Нам и Гав дрожали как в лихорадке, сознавая всю свою слабость перед страшным хищником. Юные сердца их трепетали, словно раненые птицы, при мысли о неизбежности предстоящей смертельной схватки. Страстная жажда жизни овладела всем существом молодых воинов».

Нао тоже не был спокоен. Он знал страшную силу противника и сознавал, что медведю понадобится совсем немного времени, чтобы справиться с тремя людьми». (8)

Что стало преградой для хищника?

Уламры лихорадочно продолжали укреплять вход в пещеру. Скоро перед ними выросла высокая стена из камней. Молодые воины оставили не заложённым только одно отверстие справа, на высоте человеческого роста». (9)

Как серый медведь отреагировал на препятствие?

Препятствие удивило и озадачило его, но не испугало. Он встал на задние лапы, подошёл к каменной стене и заглянул в оставшееся отверстие. Получив удар, медведь с рёвом отступил. Теперь он решил уничтожить опасное препятствие и начал расшатывать стену».

Что сделали люди?

«Нао и Гаф подпёрли плечами опасное место изнутри, и стена перестала шататься. Нам же, высунувшись из отверстия, подстерегал удобный момент, чтобы вонзить дробинку в глаза противника» (10)

Что привело медведя в ярость?

«...медведь снова приблизился к стене и ударил её лапой; затем разбежался и толкнул плечом. Стена не поддавалась. Тогда, разъярившись, хищник забыл об осторожности и ринулся в атаку».(11) *Ничто уже не могло остановить его, и стена рухнула.*

Кто стал его первой жертвой?

Нам не успел отскочить в глубину пещеры, как Нао и Гав и... «очутился в когтях рассвирепевшего зверя. Юноша даже не пробовал защищать свою жизнь. Покорный и беспомощный, словно антилопа, опрокинутая на землю ла-

пой льва, он раскинул руки и, широко раскрыв глаза, в каком-то оцепенении ждал смерти». (12)

Кто спас Нама? Подробно, в деталях, опишите повадки, движения Нао. О каких качествах юноши они вам говорят? (13)

«...Нао, на мгновение растерявшийся от неожиданного падения стены, увидел опасность, грозившую его товарищу, и сразу обрёл хладнокровие и мужество, свойственное людям сильного духа и твёрдой воли. Отбросив в сторону ставший ненужным топор, он обеими руками схватил узловатую дубовую палицу и шагнул навстречу врагу». (14) Три мощных удара палицей, и медведь «...медленно повернулся вокруг себя, зашатался и рухнул на землю». (15)

Благодаря чему юноше удалось одержать победу над сильным и опасным хищником? (16)

Нао и его друзья проявили упорство, хладнокровие, мужество и сообразительность в борьбе с хищником. Но главным условием их победы стали верная дружба, взаимовыручка, уважение к товарищам и умение объединить свои усилия в страшной борьбе за жизнь.

Что ощутили герои после своей победы?

«Уламы выпрямились и, опустив оружие, молча посмотрели друг на друга. Это была торжественная минута. Нао стал теперь в глазах Нама и Гава самым могучим из Уламов и всех других людей». (17)

Анализ глав «Пепел» и «Битва за огонь» проводится на втором уроке. Работу можно начать с подготовленного выразительного чтения текста, после чего продолжается беседа, начатая на первом уроке.

Почему Нао решил идти на восток?

У Уламов просто не было другого пути: на юг и на запад простиралась бесконечная водная гладь.

Что заставило Нао вздрогнуть и замереть на месте, широко раскрыв глаза?

Нао увидел следы костра, и «...ему на мгновение показалось, будто он вновь видит перед собой родное становище Уламов, пылающий костёр и гибкую фигуру Гаммлы, освещённую красноватым пламенем». (18)

Что понял Нао, изучив следы вокруг костра?

Нао понял, что у костра останавливался один из тех охотничьих отрядов, которое племя посылает в разведку. По следам он понял, что здесь было тридцать мужчин.

О чём думал Нао, идя по следу, оставленному охотничьим отрядом?

Нао подозревал, что охотники принадлежали к племени Пожирателей людей – Кзамов.

Какую цель поставил перед собой Нао?

Юноша решил похитить у свирепых врагов Огонь.

Как он мог это сделать?

«Две возможности представлялись Нао: настигнуть охотничий отряд Кзамов прежде, чем тот вернётся в становище своего племени, и похитить Огонь хитростью или переждать отряд, проникнуть в становище врагов и, пользуясь отсутствием лучших воинов, добыть Огонь силой». (19)

Обозначьте границы и подготовьтесь к выразительному чтению сцены «Поединок». (20)

Что помогло Нао победить в страшном поединке?

Нао умеет сражаться, он «без труда отбил дротик обухом топора, и тонкая палка, переломившись, исчезла в пламени костра». (21) Он «отбил палицы Кзамов с такой силой, что меньший из людоедов пошатнулся». (22) Он обладает железной волей. «Чудовищным усилием воли он устоял на ногах и, прежде чем Кзам сообразил, что происходит, швырнул в него свою палицу с такой силой, что тот, даже не вскрикнув, свалился мёртвым...» (23)

Что чувствует Нао, одержав победу?

Он смеётся отрывистым, хриплым смехом, испытывает радость, блаженство, прерывающимся от волнения голосом кричит, что он стал хозяином Огня.

О чём он вскоре вспомнил?

Нао подумал о том, как ему сберечь Огонь.

Что он попытался сделать?

Молодой человек достал плоские камни, которые нужно было оплести прутьями, корой и стеблями ползучих растений. Однако ему повезло: неподалёку от костра он нашёл готовую плетёнку, в которой людоеды переносили Огонь. Это позволило ему сэкономить время.

Что он сделал, покидая стоянку Кзамов?

Он окинул её взглядом: «Двое из его врагов были мертвы; они лежали на спине, лицом к звёздам. Двое других, несмотря на страшные страдания, старались сохранять полную неподвижность, чтобы Нао счёл их мёртвыми. Жестокий закон войны и осторожность требовали, чтобы Нао прикончил их». (24)

Почему Нао нарушил жестокий закон войны?

При мысли об ещё одном убийстве им овладело отвращение.

Очень важным является замечание автора: «Он не чувствовал никакой ненависти к поверженным врагам». (24)

Какими предстают перед нами первобытные люди в романе Жозефа Рони-Старшего «Борьба за огонь»?

Они вызывают уважение, благодаря уменью преодолевать трудности, бороться до конца, сохранять верность своему племени, друзьям. Их жизнь состояла из опасностей, трудностей и их преодоления. Современному человеку, наверное, не удалось бы выжить в то время. При этом наши предки овладели способностью любить, жалеть и сочувствовать, то есть даже в самой трудной ситуации они оставались людьми.